

by Редкая Прелесть

ПАДАЧ НЕВЕСТ

Аврор Поттер расследует серийные убийства девушек.

Серое промозглое нечто окружало Аврора Поттера. Назвать это вечером или даже ночью не поворачивался язык — метель совсем не пропускала света, но в тоже время никак не хотела провалиться в спасительный мрак, который хоть как-то мог скрыть зимние оплеухи мокрого снега.

Поттер поморщился и, подняв воротник пальто, спрятался от колючих домогательств метели. Тем не менее, яркие пятна, видимые издали в этом снежном крошечке, все же были: кровь, еще дымящаяся еле заметным парком. Обычная и уже ставшая привычной картина места преступления.

— Стив, уходи отсюда зевая, — Поттер отдал короткое распоряжение, едва завидев репортеров, спешащих к месту трагедии.

Для него, для его команды, для бультерьеров-писак смерть была привычным и обыденным делом. Для кого-то другого она оборачивалась невосполнимой потерей, опустошающей привычный мир, переворачивающий жизнь, начинающий новый отсчет «до» и «после» гибели любимого человека.

Газетчики споткнулись и растерянно начали оглядываться. Внезапно они забыли, зачем они тут, что за сенсация могла произойти в этом районе Лондона. И хотя самая нетерпеливая журналистка — молодая и горячая штучка в модном прикиде — хмурилась, пытаясь отчаянно вспомнить, заклятие Стива действовало безотказно. Журналисты переглянулись и направились в близлежащее кафе — греться.

Поттер им позавидовал. Ему еще не скоро предстоит согреть руки у весело трещащего камина и порадовать продрогшее нутро доброй пинтой горячего грога. Встряхнувшись, чтобы отогнать отвлекающие мысли, Поттер подошел к жертве.

— Ну, что тут у нас?

Задавая этот вопрос, он уже примерно предполагал, что увидит и услышит. За полгода, которые он работал над этим делом, почерк преступника был неизменным. Гарри поежился от порыва ветра, пробравшего его до костей, от которого не спасали даже согревающие чары. Наконец, он посмотрел вниз, на очередную жертву неуловимого убийцы.

Тонкий женский силуэт, лежащий в луже дымящейся на морозе, но уже начинающей застывать крови. Белое короткое пальто, ставшее грязно-красным. Руки, сложенные на груди убийцей в мирном жесте упокоения, словно в насмешку. Посиневшие ногти на пальцах убитой явно были совсем недавно тщательно обработаны дорогой маникюршей — по всему выходило, что погибшая ничего тяжелее ложки или пера в руках не держала. Значит, могла себе позволить не работать. На указательном пальце левой руки — искристое бриллиантовое колечко. Стройные ноги в тоненьких шерстяных гольфах и туфельках не по погоде. Значит, жертва оказалась тут случайно или же вышла из автомобиля — в такой обуви на морозе не очень-то и побегаешь.

Гарри, как мог, игнорировал еще одно доказательство уродливости смерти. Он специально подробно изучал тело, стараясь не смотреть выше, но оттягивать этот момент бесконечно не получалось. Вздохнув, Поттер опустился на корточки и нагнулся, рассматривая то, что еще недавно было прекрасной стройной шейкой — наверняка предметом гордости жертвы. Теперь бывшая красота, изуродованная жуткой раной, ничего не значила. Как и в пяти предыдущих случаях у жертвы отсутствовала голова. Кто-то зверски

убивал очередную девушку, перерезая горло, и не дожидаясь, пока кровь, щедрым потоком бьющая из раны, остановится, отрезал ей голову.

«Не девушке — жертве» — поправил себя аврор Поттер, не позволяя жалости затопить душу.

Увидеть в жертве личность было слишком тяжело. Гораздо проще было думать о них как о неодушевленных предметах. И неважно, что ночами он просыпался с криком и с дикой головной болью. Неважно, что маггловские сигареты уходили пачками. Ничто не должно отвлекать его от поиска убийцы.

Казалось бы, какое дело аврорам до маньяка, убивающего так примитивно и жестоко? Но за полгода они не смогли найти и следа убийцы. А их не могло не быть! Маньяк действовал грубо и быстро. Он поджидал жертву в переулке, разделявал ее, словно мясник, и ускользал, не оставляя после себя ничего: ни следов от ботинок, ни окурка, ни малейшего намека на свое присутствие, кроме обезглавленного тела очередной несчастливцы.

Поттер представил, как руки неизвестного убийцы орошает горячая кровь жертвы, как тот наслаждается, умываясь ею, как точным и жестоким заклятием отрезает голову...

Так! Стоп! Ни разу у экспертов не возникало и мысли о том, что в качестве орудия убийства могла использоваться магия! Все сходились на том, что неизвестный действовал маггловским оружием, невероятной остроты клинком. Тогда откуда появились эти картинки? Гарри чувствовал экстаз убийцы, уносящего жизнь всего одним точным ударом — заклятием.

Аврор нахмурился и закрыл глаза, стараясь не спугнуть неожиданное видение. Но ощущение пропало окончательно, оставив после себя дрожь сладчайшего из убийств. Поттера передернуло от этих воспоминаний, бывших явно не его собственными.

— Стив! Питтерсон! — Гарри окликнул помощника севшим голосом и закашлялся от порыва ветра, метнувшего ему в лицо пригоршню колючего снега.

— Да, мистер Поттер! — тут же подбежал Питтерсон.

«Из него получится неплохой аврор, — подумал Поттер. Умный и верный ученик не раз выручал своего патрона. — Если только его не сломает, как меня»

Воспоминания помимо воли унесли его в то время, когда и он был таким же бравым и ретивым молодым аврором «со взором горящим». Искоренять нечисть, расплодившуюся после падения Темного Лорда. Защищать обычных граждан — магов и магглов — ценой своей жизни. Держать руки чистыми, разум холодным и беспристрастным, а сердце горящим и сочувствующим. Это было смыслом его жизни.

Было. Пока в один прекрасный миг он не увидел, как деньги и власть уводят из-под меча Немезиды отъявленных и прожженных преступников. Пока не подложил своими руками в карман задержанному запрещенное зелье, чтобы прижать зарвавшегося урода, считавшего, что при наличии влиятельного папашки и внушительного трастового фонда, ему море по колено, не то что какой-то там аврор с сержантскими нашивками. И плевать, что взяли этого козла над телом умирающей из-за его побоев девушки. Адвокаты, могущие оправдать самого дьявола, вытащат его в тот самый миг, как к ним прилетит сова. Именно тогда умер идеалист Поттер, переродившись в того, кого прозвали Демоном.

Ни один из тех, кого он ловил, не ушел от правосудия. И никто из них не мог спать спокойно, слушая завывания ветра над Северным морем и шелест одежд дементоров. А выйдя из стылых камер Азкабана, все они вздрагивали от одного звука его имени. И жили с вечной оглядкой, потому как знали, что, попав в Черный список Поттера, они никогда уже

не будут в полной безопасности. Любая ночь может стать последней на свободе. Любое слово может попасть не в те уши, и вот едва восстановленный мир снова рухнет. В дом вломятся беспринципные авроры, переворачивая все с ног на голову. И можно быть уверенным, что они что-нибудь, да найдут. А за ними неслышной тенью войдет он — Демон Авроры, и под его взглядом невольно вспомнишь все свои ошибки и грехи. И сколько бы ни отнекивался, придется снова провести не один месяц в Азкабанае, яростно скрипя зубами и проклиная тот час, когда тебя заметил Поттер.

Подбежавший к Гарри помощник нетерпеливо посматривал на него, не смея, тем не менее, окликнуть — мало ли над чем размышляет патрон, может, именно сейчас ему пришло в голову, как поймать убийцу? Стив Питтерсон переминался с ноги на ногу, стараясь повернуться так, чтобы уйти из-под хлещущих наотмашь ледяных порывов ветра, но тот, казалось, был повсюду.

— Вызови сюда Невыразимцев, — сказал Поттер, не глядя на Стива.

— Невыразимцев? Зачем? — заморгал тот, но привычно потянулся к маленькой рации на поясе (они были все же удобнее и безотказнее двойных зеркал, которыми аврорат пользовался раньше).

— А затем, что только у них есть приборы, могущие уловить кое-какие магические вибрации, витающие тут, — ответил Поттер.

Вдвоем они дождались аппарировавших на место преступления Невыразимцев. Лица прибывших были спокойны и полностью оправдывали название своего отдела. Едва взглянув на жертву, лежащую в луже крови, они перевели взгляд на Поттера, ожидая инструкций.

Гарри про себя окрестил их Старым и Молодым. И больше никаких признаков, никаких отличительных черт. Взгляд скользил по их одинаково равнодушным лицам и не мог ни за что зацепиться. Едва взглянув на них, сразу же забываешь увиденное и потом задумываешься, а был ли кто тут?

Он в двух словах объяснил Старому и Молодому видение, и те, едва кивнув, достали из-под серых мантий какие-то рамочки и направились к месту преступления.

— Пойдем в кафе, Стив, — позвал Поттер.

— А как же...

— Нам больше нечего тут делать. Эксперты сами соберут все улики. Хотя мы-то с тобой знаем, что они ничего не найдут.

— А Невыразимцы? Зачем все же они тут?

— Идем, иначе этот ветер доконает меня. Я тебе все объясню, как только согреюсь.

Гарри ссутулился и быстро направился к кафе, которое призывно сверкало рождественскими огоньками. Стив семенил следом. Распахнув тяжелые стеклянные двери, Поттер с наслаждением вдохнул запаха кофе, готовящейся еды, горящих повсюду свечей. Теплый воздух, показавшийся обжигающим после мороза, окутал их, и Гарри на пару секунд замер, позволяя теплу обнять себя. Замерзшее тело тут же покрылось гусиной кожей. Бросив пальто на спинку освободившегося кресла, Гарри тут же жестом позвал официантку.

Посетителей было много. Им повезло найти свободные места только потому, что парочка разомлевших и румяных молодых людей, смеясь и шутя, натягивали на себя пухлые куртки, теплые шапки, шарфы и варежки. Стив настороженно озирался кругом: ему не нравилось соседство с магглами — казалось, что все их взгляды прикованы к прибывшим.

Подбежала запыхавшаяся официантка, совсем молоденькая девушка с озорными глазами и румянцем во всю щеку. Она энергично жевала жвачку, разглядывая новых

посетителей, и то и дело поправляла свой веселый джемперок с вывязанным на нем Санта Клаусом.

— Что желаете? Могу посоветовать наше фирменное блюдо, глнтвейн или грог, — выпалила девушка, не прекращая жевать.

Гарри улыбнулся и спросил:

— А какое сегодня у вас фирменное?

— Из горячего — стейк и картошка. А еще есть луковый суп и овощи в кляре. Но я бы посоветовала брать только фирменное, — девушка заговорщицки подмигнула им. — Наш шеф сегодня не в духе: суп пересолен, а овощи не прожарились.

— Идет, милая! Две двойные порции фирменного, хлеба, две пинты грога и любой десерт на ваш выбор, — Гарри подмигнул девушке, и та расцвела ответной улыбкой.

Наблюдая за убегающей официанткой, Гарри улыбался. Стив тоже посмотрел ей вслед, но не увидел ничего, что могло бы его развеселить: обычная девчонка, каких в дюжине десятков, рыженькая, немного бесцеремонная, молоденькая. Стив пожал плечами и посмотрел на свечку, все еще горевшую на их столике. Покраснев от мысли, что они с шефом сейчас похожи на парочку голубков, Стив задул свечку, чем привлек к себе внимание Гарри.

— Что, Стив, слишком ярко светила? — поддел его Поттер.

— Да ну, подумают еще... — мотнул головой Стив.

— Будь немного проще, Стивен. Не думай слишком много о том, что думают о тебе другие. Не зная наверняка, ты, скорее всего, ошибешься. Поверь, тут никому нет до нас никакого дела.

Стив обвел взглядом тесное помещение кафе. За столиками сидела разномастная публика: парочки, видящие только друг друга; молодежная шумная компания, громко празднующая начало зимней сессии; несколько одиноких пожилых людей, поглощенных своими мыслями или обильной и вкусной едой. И только он крутил головой, рассматривая посетителей. Поттер с доброй усмешкой следил за подвижным лицом своего протеже. Стив смутился и уставился на свои руки. Видимо они показались ему неуместно большими на маленькой деревянной столешнице, и он спрятал их под стол.

— Стив, будь собой и никогда не стесняйся себя. Пока ты не примешь себя таким, какой ты есть, тебе постоянно будут мерещиться шепотки за спиной и косые взгляды. Я никак не могу понять причины твоей неуверенности. Ты умен, быстро соображаешь, не боишься высказывать предположения. У тебя есть дар чувствовать, когда тебе лгут. Почему бы тебе не посмотреть на себя со стороны, моими, допустим, глазами?

— Ох, сэр, вы слишком добры...

— Нет, не слишком! — Гарри как-то резко посуровел. — Если бы я считал тебя посредственностью, то работал бы сейчас с другим стажером. Умерь уже свое уничижение, иначе мы не далеко с тобой уедем.

— Да, сэр, — уши Стива стали ярко-алыми.

Подошедшая официантка весело осмотрела притихшего Стивена, его сурового шефа и одарила их еще одной понимающей улыбкой. Пока девушка расставляла тарелки и глиняные кружки, Стив не поднимал глаз, борясь со смущением.

— Понадобится что-то еще, зовите меня, — девушка стрельнула карими глазами в Поттера и, чуть склонившись к плечу Стива, добавила: — и вы тоже, молодой человек.

И убежала на зов других клиентов. Стивен смущенно глянул на патрона и уткнулся в тарелку с заказом. Демон бы побрал этих беспардонных магглов!

Справившись со своей порцией картошки и мяса, Гарри достал пачку сигарет и зажигалку, но у магглов курить в общественных местах теперь запрещено, а пользоваться магией, отводя глаза любопытным, было лениво. Он постукивал зажигалкой о пачку, устремив взгляд в пространство, иногда потягивая горячий «правильный» грог из тяжелой шершавой глиняной кружки. Мысли были одновременно обо всем и ни о чем. Спроси его, о чем он думал секунду назад, Поттер бы и не вспомнил. Гарри уже знал эту особенность своего мышления: прежде чем начать расставлять все по полочкам, он погружался в мысли о всякой ерунде.

— И все же, зачем вы вызвали Невыразимцев, сэр? — прервал Стив затянувшееся молчание.

— Дело в том, что это преступление все же отличается от предыдущих.

— Чем? Все в точности так же: молодая девушка с отрубленной головой, в луже крови и руками, сложенными на груди, голова отсутствует. В чем же разница?

— Как ты думаешь, почему мы, маги, занялись этим расследованием, если всех убитых обнаруживали в маггловской части Лондона? Почему мы забрали себе все материалы этих дел, хотя полицейские-магглы вовсю расследовали преступления «Нового Потрошителя»?

— Все девушки, убитые этим уродом, были волшебницами.

— Правильно, но не только это. Все они собирались замуж. Но с этой жертвой у маньяка вышла промашка. Она оказалась магглой.

— Как?!

— Я заметил то, что раньше ускользало от всех нас. Магия убитого волшебника очень сильно фонит, не позволяя обнаружить другой след магического вмешательства, особенно, если он настолько тонок, как в наших случаях. Определить, что голову жертвам отсекали с помощью магии мы могли бы только найдя палочку маньяка, но при отсутствии следов оставалось только догадываться об орудии убийства. Теперь же мы знаем, что жертвы пали от руки волшебника.

— Ничего себе! Осталось только определить мотив, и мы сможем раскрутить это дело! Найдя того, кому выгодны смерти этих девушек, мы сузим круг поиска!

— Не спеши так радоваться, Стив. Скорее всего, искать нужно не мотив.

— Но почему? Ведь почерк маньяка на лицо! Нужно найти связь между ним и девушками...

— Здесь ты прав, связь есть и очень четкая, но мотив...

— Разве это не очевидно? — перебил Поттера Стив. — Эти убийства связаны между собой!

— Да никак они не связаны! — сорвался Гарри. — Они связаны только тем, что этот маньяк — полное ничтожество! Завистливый и жалкий урод! Единственная связь тут, — Поттер понизил голос, потому что на них стали обращать внимание. Он старался не смотреть на Стива, обиженно засопевшего, — только то, что эти девушки собирались замуж. И регистрировали свое желание вступить в брак в конторе на Диагон-аллее.

— Откуда вы это знаете?

— Я заметил, что у всех жертв были обручальные кольца, но свадебных не было. Допросы родственников только подтверждали мои подозрения. Так я понял, что все жертвы подавали заявления о вступлении в брак в бюро, где работает мой бывший сокурсник. Только две вещи связывали убитых: желание вступить в брак и наличие магических способностей.

— Но почему же тогда убита эта девушка? Ведь к ней применимо только одно из условий?

— Это мы выясним, но наиболее вероятно, что она — невеста-маггла одного из волшебников. Другого объяснения я не вижу. Вскоре мы это узнаем, как только свяжемся с ее родственниками.

— Мистер Поттер, мистер Питтерсон, мы кое-что обнаружили, — Невыразимцы незаметно появились у их столика, словно из-под земли. — Давайте вернемся в Аврорат, не хотелось бы привлекать к себе ненужного внимания.

Гарри и Стив проводили взглядами две одинаково серые неприметные фигуры и спешно засобирались. Гарри расплатился за обед, оставив щедрые чаевые, что вызвало недовольство Стива, считавшего, что нахальная девчонка их не заслужила. На ходу натягивая пальто и шарфы, авроры вышли на мороз, радостно лизнувший их лица, словно щенок, изголодавшийся по играм.

Глава 2

Аврорат жил своей обычной жизнью, правда, порядком взбаламученной приближающимися праздниками. Повсюду висели веточки омелы, летали колокольчики и сновали радостно-возбужденные сотрудники и посетители. Двери каждого отдела были украшены гирляндами из еловых веток и разноцветных лент. Кое-кто без зазрения совести носил на голове странные украшения, изображающие то ли оленей, то ли мощерогих кизляков. Везде чувствовалась праздничная атмосфера.

Видимо, у людей, приходивших в аврорат в это время года со своими проблемами, появлялось что-то вроде угрызений совести за испорченный другим праздник, потому что обычных повседневных жалоб было меньше. Зато Отдел по устранению последствий заклятий сбился с ног. Каждый второй считал своим долгом не купить елку или подарки, а сколдануть их самим, да еще на глазах у магглов! В итоге Мунго наводнили толпы людей-елок, людей-елочных шариков и прочей непредсказуемой праздничной нечисти.

Гарри быстро шел по этажам, спускаясь все ниже и ниже — в Отдел Тайн. Предпраздничная суматоха выбивала его из колеи. Он недовольно морщился и ускорял шаг, когда прекрасная половина аврората кокетливо строила ему глазки, намекая на сплошные поросли омелы над головой. Но чем ниже спускались Поттер и его помощник, тем меньше давил на них вездесущий праздник.

Он не хотел думать о том, что снова проведет Рождество один. Нет, конечно, Джинни всегда будет ему рада. И Лили прыгнет ему на шею, хвастаясь успехами в школе и требуя подарков. Но что-то мешало ему радоваться вместе со всеми. Может, грустные и виноватые глаза бывшей жены, может, горящие надеждой — дочери, все еще мечтающей, что родители снова сойдутся.

Мерлин! Ну почему Джинни всегда смотрела на него так, словно это она ушла из семьи, оставив его с тремя детьми, и теперь ее мучила совесть?! Почему любая их ссора начиналась и заканчивалась этим взглядом? Она будто считала, что не заслужила его. Словно не ее стараниями их семья просуществовала так долго — почти двадцать лет. Так почему она чувствовала себя такой неуверенной? И, в конце концов, Гарри начал сам это ощущать. Его стали раздражать ее попытки угодить ему и детям. А когда он пытался поговорить с ней об этом, то снова встречал этот виноватый взгляд, полный муки и понимания. Все попытки тут же терпели крах, он уходил из дома, хлопая дверью и злясь. Когда он уходил от нее, она даже не устроила скандал. Просто проводила его понимающим взглядом, как обычно, во всем виня себя...

— Я еще ни разу не был в Отделе Тайн, — благоговейно прошептал Стив, и Гарри очнулся от тяжелых воспоминаний.

— Ничего особенного, со временем привыкаешь, — небрежно бросил Поттер, слукавив. Не мог же он потерять лицо перед своим учеником! Стиву совсем не обязательно знать, что у него самого всякий раз замирало сердце, едва он переступал порог вотчины Невыразимцев. Когда-то он надеялся, что будет своим на их территории, и таинственные коллеги станут чуть более приветливыми или... заметными, что ли. Но ничуть не бывало. Невыразимцы строго хранили свои тайны, допуская его только во внешний круг отдела, где исследовались артефакты и изобретения, готовящиеся к рассекречиванию. Но и этого хватало с головой!

— Привет, Артур! — Гарри сердечно поприветствовал бывшего тестя.

— Доброго дня, Гарри! Рад тебя видеть! — серая мантия Отдела Тайн совсем не вязалась со все еще рыжими, хоть и заметно поредевшими волосами Артура, с его добродушным и улыбчивым лицом. — Ты снова к нам?

— Да, так и есть. Кстати, именно благодаря твоему Уловителю Магических Волн я смогу здорово продвинуться в деле о Палаче Невест.

— Рад был помочь, сынок. Но хватит болтать, у нас еще куча дел. Мои Сохранители Магического Направленного Заряда никак не хотят стабилизироваться.

— А-а-а, опять экспериментируешь с батарейками? — заулыбался Гарри.

— Сам виноват, не надо было мне их показывать. Зайдешь как-нибудь к нам вечерком? Хлопнем по стопочке, вспомним былое.

— Конечно, Артур, обязательно! — Гарри с искренней улыбкой пожал руку Артуру, прекрасно понимая, что этому не бывать.

Молли, в отличие от Джинни, так и не смогла простить Поттеру, что он бросил семью. Артур тоже это понимал, но предпочитал, как обычно, ничего не замечать. Прошло восемнадцать лет со дня смерти Фреда, а он все еще не оправился. Гарри вспомнил, как Артур с маниакальной страстью потрошил свои любимые маггловские приборы, разбирая их, наделяя новыми свойствами, вникая во все непонятное. Это было его отдушиной, которая все больше отдаляла его от реальности.

Однажды Гарри застал Джинни плачущей, когда она не смогла достучаться в сарайчик отца, запершегося там на целую неделю. Тогда ее слезы еще не раздражали его. Он бросил все, аппарировал в Нору и разнес сопротивляющуюся взлому дверь сарайчика ко всем чертям. И замер на пороге.

То, что снаружи выглядело как ветхий, заброшенный сарай, куда побоишься войти — вдруг завалит, внутри оказалось чуть ли не стерильной лабораторией. На полках с подсветкой выстроились в ряды изобретения Артура, перелицованные из маггловских кофеварок, тостеров, телевизоров. Гарри забыл обо всем, потрясенно разглядывая усовершенствованные рации, телефоны и наручные часы.

Он опомнился только тогда, когда Артур, проспавший вынос своей двери, громко всхрапнул. Гарри разбудил его и до глубокой ночи расспрашивал изобретателя, хватаясь за каждую новую разработку, как ребенок за игрушку. Он никогда бы не подумал, что страсть Артура к маггловской технике принесет такие внушительные плоды. Всю жизнь считая тестя чудачком, Гарри наконец-то разглядел колоссальный потенциал его работ.

Когда он принес некоторые разработки Артура в Министерство, то мирно проспавший всю жизнь на своем посту начальник Отдела по регистрации изобретений даже не понял, чего от него хотят. Он, как мог, отбрыкивался, пытаясь навязать Гарри такие бюрократические проволочки, что заполнение одних анкет заняло бы года два. До Гарри наконец-то дошло, почему магический мир до сих пор писал перьями, пользовался свиной почтой и слушал древнее радио. Если регистрация изобретения требовала таких усилий, то чему тогда удивляться? Станным уже казалось то, что маги не пользуются навощенными табличками или не высекают письма на камнях!

Умение держать себя в руках, когда он видел таких жирующих бюрократов, боящихся лишней раз поднять свой зад, так и не пришло к нему с годами. Начальник Отдела по регистрации изобретений понял, что не на того нарвался, когда пальцы Поттера сгребли на груди его аккуратно выглаженную мантию и крепко встряхнули. Начальник засипел, от

страха даже не пытаясь ослабить впившийся в толстую шею воротничок. Он мог только смотреть в злые глаза Героя Магического мира и мысленно молить о пощаде.

— Что вы делаете, аврор Поттер, — раздался тогда за его спиной спокойный бесцветный голос.

Неправдоподобно быстро ярость и желание раздавить этого ничтожного червя испарились, оставив чувство умиротворения. Гарри успел подумать, что без магии тут не обошлось, когда, обернувшись, увидел того, кто отвлек его. За его спиной стоял Глава Отдела Тайн и с интересом энтомолога смотрел на «собеседника» Поттера.

Поттер в двух словах описал возникшую проблему, показал изобретения Артура: рацию, которая могла связаться не только с другой такой же, но и с двойным зеркалом, камином или иным предметом, способным принимать и передавать информацию, и видеокамеру, показывающую любого человека, стоит только положить в отсек для кассет его волос или ноготь.

В тот же день Артур Уизли получил должность в Отделе Тайн, а Гарри мог запросто обратиться к Невыразимцам за помощью. Надо ли говорить, что от этого в выигрыше оказались все?

«Что-то меня сегодня тянет на воспоминания, — нахмурился Поттер, войдя в небольшой кабинет без окон — даже магических. — Не к добру это».

— Мистер Поттер! Рад вам! — начальник Невыразимцев был само радушие, что еще больше насторожило аврора.

Раньше тот так радовался только когда случалось что-то очень плохое... Вспомнить хотя бы засекреченное дело о террористах. Хотя вспомнить будет проблематично: сердце тут же прихватило огненное кольцо Нерушимого Обета, наложенного даже на воспоминания о деле. Тогда Глава Отдела Тайн веселился так, что хотелось от души ему врезать. И Гарри врезал бы, если б не знал, что так у Невыразимца проявляется сильная магическая контузия, полученная во время боевой операции.

— Проходите и приступим, прошу. Ваш человек допущен к делу?

— Да он работает со мной. Стив пока еще стажер, но очень талантливый, так что за его благоразумие я ручаюсь, — Гарри сел в неудобное кресло, дающее понять даже своим видом, что тут не получится уютно устроиться и задушевно поболтать.

Стив подобрался, выпрямился, демонстрируя готовность оправдать высокое доверие. Гарри мысленно похвалил его.

— Вот что удалось засечь на месте преступления, — Глава Отдела Тайн выставил на стол нечто, похожее на маггловский плоский маленький телевизор, естественно, с дополнениями Артура Уизли. Потом очень осторожно поднес сканирующую рамочку, которую Гарри видел на месте преступления. Чем ближе оказывалась рамочка, тем ярче начинал светиться «телевизор». Наконец, стало возможным рассмотреть происходящее. Они видели убийство девушки глазами Палача.

Он заметил ее сразу, как она вошла в бар к старику Тому через маггловский проход. Она была молода, красива и так счастлива, что его сразу потянуло к ней. Он видел, как она приветственно кивнула бармену и танцующей походкой направилась к арке, ведущей на Диагон-аллею. Он направился следом, держась в тени. Его отсутствия никто не заметил, да и было ли кому дело до него?

Девушка беспечно прошла через арку, не вытаскивая палочки — она просто прислонила свое кольцо к кирпичу, и стена послушно разъехалась. Помахивая крохотной сумочкой, она

вошла в суматошный мир магов, охваченный предпраздничной лихорадкой.

Он следовал за ней по пятам. Он видел, как она останавливалась у витрин, рассматривая их содержимое. Больше всего ее привлекали витрины модных магазинов, но зашла она только к Малкин. Он видел, как почтенная мадам и ее помощницы суетились вокруг девушки, подгоняя по фигуре почти готовую свадебную мантию. Видимо, это была последняя примерка. Мадам Малкин скрылась в подсобке, оставив клиентку стоять на табуреточке.

Девушка смотрела на свое отражение в зеркале, и он видел, как ее глаза наполняются предвкушением чего-то прекрасного. Она разгладила тяжелую материю, вышитую богатыми шелками, словно лаская ее. Соскочила с табуретки, сделала чопорный книксен, но тут же рассмеялась и закружилась перед зеркалом.

Кто-то прошел слишком близко от его укрытия, и он на некоторое время отступил глубже в тень. Когда он осмелелся высунуть нос, то увидел, что девушка прощается с портнихой и направляется к выходу.

Звякнул дверной колокольчик — она вот-вот пройдет мимо него. Быстрым змеиным движением он схватил ее за рукав, с силой дернул на себя и, пока она не опомнилась, зажал ей рот. Он увидел ее расширившиеся испуганные глаза, капельки пота, выступившие над верхней губой. Он почуял ее страх, как зверь чувствует приближение к окровавленной и беспомощной добыче. Короткое заклятие — и аппарирование ненадолго скручивает их в страстных объятиях.

Она силится закричать, но его рука почти лишила ее возможности даже дышать. Она пытается укунить его ладонь — бесполезно. Она изворачивается, чтобы ударить его в колено каблуком, но они стоят слишком близко. Даже попытка ударить в подбородок головой вызывает только его смех — он слишком высок для нее.

Ее попытки спастись забавляют и распалют его все больше. Но хорошего понемногу. Он тихонько, почти ласково, стукнул ее лбом о кирпичную стену. Ей хватило — ее тело обмякло и стало послушным и податливым. Сейчас ей станет еще лучше.

Он медленно, наслаждаясь каждой секундой, положил ее на землю, прямо на снег. Сложил ей руки на груди, поправил нежный локон и встал над ней, ожидая того сладострастного момента, когда она начнет приходить в себя, начнет осознавать что-то, но не настолько, чтобы двигаться.

Он видел, как поднимается и опадает ее маленькая аккуратная грудь, красиво обтянутая тонким свитером. Эта девушка была такая изящная, маленькая, словно куколка. Она была прекрасна, но вот-вот станет совершенством. Он присел на корточки, чувствуя между своих ног тепло ее обмякшего тела.

Пушистые ресницы задрожали, брови нахмурились, помогая ей вспомнить, почему так холодно, и отчего зверски болит голова. Вот открылись миндалевидные зеленые глаза. И мгновенно ее зрачки расширились в узнавании. И в этот момент он ударил.

Невербальное заклятие чудовищной силы отсекло девушке голову быстро и гуманно. Что-то только тихо хрустнуло, хлюпнуло, и тут ее кровь рванулась из рассеченных вен и артерий. Горячая густая жидкость хлынула ему в лицо.

Он блаженно вздохнул, провел пальцами по своей щеке и посмотрел на них. Как красиво!

А под ними среди декабрьской стужи распускалась кровавая маковая поляна, пахнувшая так дивно, что он застонал.

Он погладил ее по щеке, такой нежной в брызгах крови, и посмотрел ей в глаза. Теперь она спокойна. Этот ангел навеки обрел свои Небеса Обетованные. Как ему нравилось дарить им спокойствие и радость небытия! Он нежно поправил ее пальто, удобнее устроил ее руки на груди и бросил последний прощальный взгляд на сотворенное им совершенство. Остался маленький штришок — взять сувенир на память.

Он взял ее лицо в ладони так трепетно, словно готовился поцеловать возлюбленную. Она и была сейчас его возлюбленной. Его любовью. Их взгляды встретились. Она смотрела на него, одаривая покоем, щедро делясь с ним своей благодатью. Он почувствовал, как ее любовь затопливает его, как начинает бешено стучать сердце, как раскрываются за спиной невидимые крылья.

Он встал в полный рост, продолжая держать в руках любовь всей своей жизни. Ее кровь текла по его пальцам, капала на ее одежду, но он не обращал на это внимание. Он жил только этим моментом. Ее губы приоткрылись, и он не посмел противиться этому приглашению. Страстный и любящий поцелуй скрепил их вечный союз.

Горьковато-соленый вкус крови опьянил его. Он прижал ее лицо к себе и резко аппарировал.

По экрану аппарата прошли волны, и он погас.

Гарри откинулся в кресле. Он был подавлен и разбит увиденным. Сердце заходило от противоречивых эмоций: только сейчас, вынырнув из омута чужих воспоминаний, он понял, что аппарат Артура не только передавал происходящее глазами Палача, но и весь спектр его эмоций, ощущений, запахов...

Мерлин, как же хреново!

— Выпей, — Невыразимец протянул ему стакан, полный до краев каким-то алкоголем. — И парню своему дай, а то он сейчас в обморок хлопнется.

— Стив, — сдавленно подозревал своего ученика Гарри. — Разрешаю тебе надраться в стельку, как только мы выйдем отсюда. Я, пожалуй, сам составлю тебе компанию.

Он жадно отхлебнул из своего стакана, совершенно не чувствуя вкуса и крепости спиртного. Увиденное и прочувствованное убило все его восприятие. Пожалуй, потребуется не одна бутылка виски, чтобы снова вернуть себе ощущение жизни.

— Что скажешь? — Глава Отдела Тайн довольно жмурился, разглядывая бледного Поттера и его позеленевшего стажера.

— Только то, что ты — свинья! Мог бы и предупредить, что мы провалимся в такое... Брррр! — Поттера передернуло. — Словно в дерьме вывалялся!

— Зато теперь ты знаешь, с кем имеешь дело. Будет проще влезть в его шкуру и найти ублюдка.

— Влезать больше не потребуется. Я знаю, кто это, — и Гарри сделал большой глоток, наслаждаясь произведенным эффектом.

Глава 3

— Привет, Малфой, — Поттер по-хозяйски навалился на стойку перед столом Малфоя. — Есть пара вопросов. Ответишь?

— Почему бы и нет? Спрашивай.

Малфой подписал какую-то бумажку, положил ее в папку, а папку сунул в ящик стола и только после этого поднял на него глаза.

— О, ты не один? Желаете оформить брак, господа? — он чуть ехидно приподнял бровь, оглядывая тут же зардевшегося Стива и бесстрастного Невыразимца. — Кто из вас решился на такую ужасную участь: делить быт с Поттером?

— Мы здесь не по этому делу, Малфой.

— Здесь я принимаю только по рабочим вопросам. Все остальное может подождать.

— Тогда мы сейчас же оформим тебе самую громкоголосую сову с повесткой.

— Все так серьезно?

— Ты даже не представляешь.

— Пенелопа, заменишь меня на пять минут? — Малфой обратился к даме за соседним столом, увлеченно следившей за диалогом.

— Конечно, Драко, можешь идти, — в голосе женщины послышалось разочарование.

— Прошу господа, нам сюда.

Малфой широким жестом указал направление и повел всех за собой в темную и тесную подсобку. Четверо взрослых мужчин едва поместились в крохотном помещении. Протиснувшись мимо Поттера и ехидно стрельнув в него глазами, Малфой уселся на колченогий табурет и выжидающе уставился на посетителей.

— Ладно, говори, какая такая срочность привела тебя ко мне на работу, да еще в компании студента и главы Отдела Тайн. И о какой повестке ты там бормотал?

— Не хами, Малфой. Я к тебе проявил максимум уважения, вынудив моих коллег не тащить тебя сразу на допрос, а сначала поговорить.

— Ты начинаешь меня пугать, Поттер.

— Где ты был вчера с одиннадцати дня до шести вечера?

— Дома. У меня был выходной.

— Что ты делал?

— Разбирался с текущими делами, подписывал документы, читал, обедал, отдыхал. Надеюсь, ты не требуешь поминутно расписать мой день?

— Поминутно ты распишешь его в протоколе допроса.

— Ох, Мерлин! Да что случилось-то? — в глазах Малфоя впервые промелькнул огонек страха.

— Где ты был двадцать третьего ноября?

— Во Франции.

— Кто может это подтвердить?

— Моя мать и полсотни человек разной степени родства. У одной из троюродных прабабушек был столетний юбилей. А что?

— А двадцать третьего октября?

— Поттер, ты меня пугаешь...

— Отвечай на вопрос!

Поттер облокотился на небольшой столик. Сахарница и несколько чашек, оставшихся с предыдущего перерыва сотрудников, жалобно звякнули. Малфой сглотнул, постаравшись отодвинуться от нависающего над ним Поттера. Таким грозным он его никогда не видел. Стив и Невыразимец стояли за его спиной молчаливыми Ангелами Мщения. Малфой испуганно моргнул, внезапно вспомнив, как в теневом мире магов прозвали Главного Аврора страны.

— К-кажется, я был в Голландии на семинаре. Да, точно, в Голландии, — Драко не сводил испуганного взгляда с застывшего лица Поттера.

— А еще месяцем ранее?

— Я не помню. Нужно свериться с ежедневником.

— Хорошо, проверим.

— Ты можешь мне сказать, что случилось, и к чему эти вопросы?

— Где твое кольцо, Малфой.

— Кольцо?

— Да, фамильный перстень Малфоев, которым ты так гордился в школе.

— П-потерял. Вернее, его украли.

— Когда?

— Да почти сразу после выпуска.

— Заявление о краже писал?

— Ты в своем уме, Поттер? Мы тогда едва от авроров отбились после Последней Битвы. Отца каждый день в Аврорат таскали. Чтобы я тогда добровольно пошел в ваше логово? Нет, уж, уволь!

— Кто может подтвердить пропажу кольца?

— В смысле?

— Кто-нибудь знал, что кольцо пропало? Родственники, друзья?

— Отец знал. А друзей у меня к тому времени не осталось.

— А Нарцисса может подтвердить твои слова? У Люциуса, к сожалению, уже не спросишь.

— Это ты мне так соболезнования приносишь? — Малфой уже оправился от испуга и теперь начинал снова дерзить.

— Так может или нет? — Гарри проигнорировал последние слова Малфоя.

— Она не заметила бы пропажу и своих драгоценностей, что говорить о моем кольце? По-моему, татап уже потеряла счет своим бриллиантам.

— То есть ты не можешь объяснить, каким образом твое кольцо оказалось на маньяке-убийце?

— Что?! — Малфой вскочил было, но в комнатке было слишком мало места, да и Поттер не спешил подвинуться. Он снова опустился на табурет и вопросительно уставился на Поттера: не шутит ли он? — Я не понимаю.

— Мы имеем неопровержимые доказательства того, что во время зверского убийства девушки на Палаче невест было твое фамильное кольцо.

Малфой потрясенно смотрел на Поттера, слегка приоткрыв рот. До него все не доходили последние слова аврора.

— Н-на т-том с-самом П-палаче? — едва смог выговорить Малфой. — Что ты этим хочешь сказать? Т-ты хочешь намекнуть, что Палач — я?

Трясущимися руками Малфой налил себе воды из чайника и, стуча зубами о кружку,

выпил, расплескав половину. Немного придя в себя, Драко еще раз взглянул на Поттера.

— Ты же шутишь, да, Поттер? Ох, Мерлин, скажи, что ты шутишь!

— Так каким образом твое кольцо оказалось у убийцы?

— Ты не шутишь... — внезапно Малфой успокоился и взял себя в руки. Словно закрыл дверь туда, где начиналась нешуточная истерика. — Мы говорим официально?

— Да. Присутствие моих коллег делает допрос официальным.

— Все записывается?

— Естественно.

— Ну что ж, тогда я официально заявляю, что не имею ни малейшего понятия, о том, как на убийце оказалось мое кольцо. Я подтверждаю данные ранее показания, что потерял кольцо Младшего Лорда Малфоя в 1998 году. Об этом инциденте знал мой отец, но допросить его, к сожалению, не представляется возможным в связи с его кончиной в мае текущего года. О пропаже кольца не было сделано официального заявления по причине напряженных отношений с представителями власти в тот период.

— Как ты можешь прокомментировать то, что все жертвы Палача были невестами, заявляющие о своем желании вступить в брак в твоём отделе?

— Я не могу этого объяснить. Возможно, убийца читал свадебную колонку в Пророке?

— Где ты был вчера в период с одиннадцати утра до шести вечера? Постарайся описать свой день по минутам.

— Проснулся я в восемь утра. До половины девятого приводил себя в порядок. После чего в течение получаса завтракал. В девять поднялся в свой кабинет и работал там с бумагами, велел эльфам меня не беспокоить. В половину первого мне принесли чай и закуску, после чего я продолжил работать. В три пополудни я сделал перерыв, вздремнув на диване в кабинете. В четыре проснулся и снова засел за бумаги. Написал несколько писем подрядчикам и партнерам. В пять вечера спустился в совятню и провел там пятнадцать минут. После чего поужинал с матерью и теткой Андромедой. В половину седьмого прошел в библиотеку, где и пробыл до двенадцати ночи. Потом пошел спать. Думаю, не стоит расписывать, как я принимал душ и готовился ко сну, иначе протокол допроса станет похож на эротический роман.

Несмотря на серьезность подозрений, высказанных в его адрес, Малфой уже был на взводе, яростно сверкая глазами. Оба — и Малфой, и Поттер — вспомнили то далекое время, когда приходилось подолгу объяснять дотошным аврорам, кто и где находился в процессе Последней Битвы с Волдемортом.

— Кто видел тебя в кабинете в означенный период времени?

— Только мой эльф, когда принес мне перекусить.

— Напомни, во сколько это было?

— В двенадцать тридцать. Часы как раз отбивали время, когда пришел мой эльф.

— Он сможет подтвердить твои показания?

— Он скажет все.

— Вот именно! — Стив, восхищенно наблюдавший за работой патрона, не смог сдержаться, видя, что такая замечательная версия начинает рассыпаться. — Ваш эльф скажет все, что ни прикажете! Его показания не могут быть внесены в дело.

— Стив, ты позволишь мне продолжить? — холодно осведомился Поттер, окатив помощника ледяным взглядом.

— Простите, сэр, — сразу сник Стив.

— Нам будут нужны заверенные показания твоих родственников, коллег и знакомых, чтобы подтвердить алиби на период совершения остальных убийств.

— Разумеется. Я пришлю тебе список имен вечерней совой. Это все, что ты хотел спросить?

— Пока да. И, Малфой, не покидай страну до окончания расследования.

— Разумеется. Разрешите откланяться?

— Да, конечно. Мы уходим.

И они вышли из каморки, оставив злого и озадаченного Малфоя в одиночестве.

— Простите, сэръ, что вмешался, — Стив, похоже, не находил себе места.

— Ничего страшного, но в следующий раз, пожалуйста, постарайся держать себя в руках.

— Я обещаю, спасибо, сэръ!

— Что вы думаете, Гарри, по этому поводу? Ведь, в начале вы были совершенно уверены в причастности мистера Малфоя. Мы даже оформили ордер на его арест.

— Да... Кто же мог предположить, что версия рассыплется из-за такого пустяка, как потерянное двадцать лет назад кольцо? Хотя все улики указывали на Малфоя.

— А почему его не вызвали в аврорат? Прислали бы повестку — и все, — Стив забежал немного вперед, заглядывая Гарри в глаза.

— Я давно знаю Малфоя. Если бы он был виновен и заподозрил ловушку, то смог бы извернуться или успеть избавиться от улик. А так мы сохранили преимущество внезапности. И хотя он отвечал верно и реагировал вполне ожидаемо, что-то тут все же не так...

— Да я уверен, что это он! Вот увидите! Все эти Пожиратели одним миром мазаны.

— Стивен Питтерсон! Я попросил бы вас выбирать выражения! — Гарри резко повернулся к опешившему Стиву. — Все мы совершаем ошибки. Мистер Малфой был очень молод и запуган, когда принял Метку. Он сделал это для спасения своей семьи, фактически находившейся в заложниках у Волдеморта. Потрудитесь в следующий раз думать, прежде чем говорить. Ошибки своего отца и свои он давно искупил, верно служа обществу. Мы имеем право подозревать его в совершении жестоких убийств, что еще нужно доказать, но обвинять его в проступках прошлого не может никто! А теперь займитесь своими прямыми обязанностями, сэръ.

Стив стоял как вкопанный, провожая взглядом своего обожаемого патрона и главу Отдела Тайн. Его потрясла до глубины души отповедь мистера Поттера, чье расположение и одобрение он всячески старался заслужить. Стив увидел, как его спутники аппарировали в Министерство, и только тогда пришел в себя.

— А я и докажу! Вы еще поймете, как ошибались, мистер Поттер!

Выкрик вдогонку, разумеется, не достиг цели, и, погрозив кому-то неведомому кулаком, Стив аппарировал в неизвестном направлении.

— Малфой, а ведь ты сказал мне неправду.

— О чем это ты?

— О том, что ты мне солгал.

— Говори яснее, Поттер, я врал тебе на протяжении семи лет, пока мы учились в школе, и не могу припомнить какой-то конкретной лжи.

— Я не об этом. Ты говорил, что в ноябре, в момент совершения убийства, ты был на семейном празднике.

— Так и было. Это могут подтвердить все присутствовавшие там.

— Они и подтвердили. Оказывается, тебя никто не видел с пяти вечера до восьми утра.

Где ты был?

— Я немного перепил и поднялся в свою комнату отдыхать.

— Кто-то видел тебя?

— Вряд ли. Вся прислуга была занята гостями. А к себе я никого не звал — проспал без задних ног до утра и только тогда послал эльфа за Антипохмельным зельем.

— Допустим, это так. А где ты был в октябре?

— Я же прислал тебе всё свое расписание на момент тех убийств. Двадцать третьего октября я был на семинаре в Голландии. Мои зарубежные коллеги могут это подтвердить. Там было около сотни человек со всего света.

— Опять-таки твои коллеги утверждают, что не помнят, чтобы ты присутствовал на банкете с шести вечера до часу ночи. Потом ты появился и остаток ночи вел себя очень странно.

— Тогда все вели себя странно. Ты забыл, где проходил семинар? Там все обкурились маггловской травки. Я удивлен, что меня вообще вспомнили.

— Тебя вспомнили, но алиби на момент убийства у тебя нет. Кто-то может подтвердить его?

— Поттер! Я правду говорю! Я был в гостинице, на банкете!

— А куда ты испарился вечером?

— Я не могу сказать.

— Ты сейчас сам понял, что сказал? Любой прокурор растерзает тебя только на этом основании! Где ты был? Или ты отвечаешь, или я готовлю бумаги для взятия тебя под арест.

— Да трахался я до опупения! — злобно и с какой-то ненавистью выкрикнул Малфой. — Ясно тебе? Все это время я трахал хастлера, подобранного на улице. Потом мы покурили еще травки, я вырубился и очнулся спустя пару часов без денег и ценностей. Доволен?!

Поттер во все глаза разглядывал Малфоя, пышущего такой яростью, что от него можно было прикуривать. Он не знал, что поразило его больше: то, что Малфой — гей, или то, что ему потребовалось платить за секс?

— Ты сможешь найти координаты этого хастлера? — попытался взять себя в руки Поттер.

— Знал бы я его координаты, своими руками бы грохнул, засранца! Он стащил у меня абсолютно все! Мне пришлось одалживать у коллег денег на сову! Ты можешь представить себе большее унижение?

«Могу, — подумал Поттер, — если вскроется, что единственный наследник рода Малфой — педик, в обществе будет столько шума, что и представить страшно! Хотя, если его признают виновным в совершении всех этих убийств, шума будет не меньше»

Видимо, его мысли отразились на лице, потому что Драко зарычал и рванулся к нему, не обращая внимания на стол между ними. От драки Поттера спасло только кресло для допрашиваемых, которое тут же среагировало на агрессию и стиснуло в своих объятиях бушующего Малфоя.

— Успокоился? — спросил Поттер чуть позже, когда Драко выдохся окончательно.

— Да пошел ты!

— То есть, алиби у тебя опять-таки нет?

— Можешь спросить у моего хуя, какое у меня алиби.

— Это мысль, конечно, но его показания не будут считаться действительными, — с самой серьезной миной произнес Поттер.

Малфой озадаченно уставился на него, разом растеряв свою агрессивность.

— Ты это что, заигрывать со мной пытаешься?

— Заигрывал бы — ты бы не переспрашивал. Идем дальше. Вот ты пишешь, что в сентябре был на работе весь день, но опять-таки в самый критический момент тебя никто не видел.

— Я был в Архиве, искал какие-то справки для Министерства.

— Пусть так, но охранник не помнит ни как ты входил, ни как выходил из Архива.

— Это потому что он бессовестно дрых на посту!

— То есть, ты понимаешь, что даже если это и так, то он никогда не признается, чтобы не навлечь на себя служебное расследование?

— Гриппогриф тебя задерит, Потти! Но ведь в августе-то меня видели все на том приеме в Министерстве! Ты тоже там был!

— Я прекрасно тебя помню, как и то, что в момент убийства тебя никто не видел.

— Да отлить я пошел, Поттер, отлить! С каких пор это преступление?

— С тех самых, когда тебя обвиняют в серийных убийствах, и никто не может подтвердить твое алиби. Если мы продолжим разбираться, то ты сам увидишь, что при всем широком выборе свидетелей, ни одно существо не может подтвердить твое присутствие именно в момент совершения убийств.

— Но ведь если это серийные убийства, то совершил их один человек, так?

— Разумеется.

— Тогда каким образом я мог оказаться и во Франции, и тут? Или и в Голландии, и снова очутиться на месте убийств.

— Ты прекрасно знаешь, как. Мы живем в мире, где можно мгновенно перенестись на край света с помощью портключя.

— Но ведь все портключи регистрируются в Министерстве транспорта! Там могут подтвердить, что я не заказывал ни одного! Я предпочитаю путешествовать камином или на метле.

— Ты прав, записей нет, но существует подпольный синдикат, а там справок не выдают.

— Поттер, я клянусь тебе, что я не делал этого! Посмотри на меня! Разве я похож на серийного убийцу? Ты знаешь меня давно и далеко не с лучшей стороны, так скажи, способен ли я на такие зверства, если даже под страхом Авады я не смог убить директора Дамблдора?! Я могу быть злопамятным, мерзким, капризным, истеричным, но разве я

убийца?

— Малфой, я верю тебе. Я действительно слишком давно и слишком хорошо знаю тебя. Ты злобный маленький крысеныш, прости за прямоту, но не убийца.

— Тогда зачем мы сейчас об этом говорим?

— Я могу верить тебе до бесконечности, но поверят ли тебе председатели Уизенгамота, когда прокурор начнет задавать точно такие же вопросы, а ты не сможешь внятно ответить ни на один? Приговор выношу не я, и мое личное отношение к тебе не изменит ничего, если тебя признают виновным. Поэтому я и выпытываю у тебя малейшие детали, чтобы получить хоть какую-то зацепку, которая поможет вытащить тебя из этого дерьма.

— Спасибо, Поттер, — Малфой потянулся через стол и накрыл холодной ладонью руку Гарри. — Спасибо тебе за это, — и сжал его пальцы.

Гарри смотрел на него во все глаза. От прикосновения ледяных пальцев его передернуло. По телу словно пропустили разряд тока. Малфой заметил реакцию аврора и по своему ее истолковал.

— Прости, — Малфой даже немного испугался. Он опустил глаза, и на его щеках показался слабый румянец. Потом медленно отодвинулся от края стола и спрятал ладони.

Гарри стало стыдно за свою реакцию. В самом деле, Малфой же не чумной. Он просто... другой — подобрал он нужное слово. Гарри уставился в бумаги, но нечаянное происшествие выбило его из колеи настолько, что он долго не мог сосредоточиться и вникнуть в читаемый документ.

— Что же мне делать?

Вопрос Малфоя окончательно вывел его из ступора. Поттер взглянул на него и увидел взгляд, полный такой надежды и благодарности, что способность мыслить снова едва не отключилась.

— Я могу пообещать тебе, что буду копать дальше. Пока я не распутаяю все до последнего нюанса в этом деле, я не передам его в прокуратуру. Но есть несколько важных моментов.

— Каких?

— Мне придется провести полный обыск Малфой-мэнора и твоих лондонских квартир, тебе придется дать Непреложный Обет, что ты не покинешь город. И к тебе, возможно, приставят постоянного наблюдателя. Если ты согласишься на Веритасерум, то все подозрения отпадут сами собой.

— Я согласен на все! А можно ты будешь моим наблюдателем? — быстрый взгляд исподлобья снова несказанно смутил Гарри.

— Я не уверен, что смогу добиться этого, но сделаю все возможное.

— Спасибо, — ответил тихо Малфой и, помолчав немного, спросил: — Тебе не кажется, что все в этом деле как-то странно крутится вокруг меня? Словно кто-то намеренно сводит все стрелки ко мне.

— Может, у тебя появился тайный поклонник, желающий так привлечь твоё внимание?

— Храни меня Мерлин от таких поклонников! Когда будет обыск?

— Сегодня.

— Тогда там и встретимся. Ты же тоже придешь?

— Конечно. Это же мое дело.

— А Веритасерум?

— Я приведу эксперта по Зельям и понятых для засвидетельствования твоих показаний.

— А может лучше Легилименцию?

— Она не будет считаться доказательством в оправдательном процессе. Мысли можно скрыть, подменить ложными воспоминаниями. И к тому же это будет видеть только Легилимент, а он может быть пристрастен. Ни одна из сторон — обвинительная или защищающая — не признают достоверность Легилименции. Тебе лучше позвать адвоката. Это пока лучший совет, что я могу дать.

— Я могу идти? — Малфой привстал, вопросительно глядя на Поттера, и, получив утвердительный ответ, направился к двери. Там он обернулся и сказал: — Жду тебя вечером. Я откупорю коллекционный коньяк. Мы выпьем его, когда все закончится.

Поттер задумчиво рассматривал закрывшуюся дверь. Показалось ему, или последние слова прозвучали как намек на свидание?

— Господа, давайте скорее начнем, — голос Поттера был бесстрастен, но в душе у него творилось что-то невообразимое.

Он рассматривал старомодный мрачный холл, и воспоминания о последнем визите переполняли его. Прошло восемнадцать с лишним лет, а словно вчера было: он, изуродованный заклятием Гермионы, Пожиратели, алчно взирающие на него, Гермиона, пытающаяся сохранить мужество, пронзительный смех безумной Беллы и нервный, быстрый взгляд Малфоя, мгновенно узнавшего его, но не выдавшего. Почему — это был один из неразрешимых вопросов вот уже два десятка лет.

Гарри встретился глазами с Малфоем и понял, что он тоже вспомнил тот единственный визит. Сегодня они словно поменялись местами. У Гарри было такое чувство, что сейчас его очередь не выдать, не предать. С каких пор он стал так благоволить Малфою?

Но дело, по которому они пришли, требовало всего его внимания, и Поттер отправился давать распоряжения аврорам, готовым под присмотром домовиков и понятых начать обыск. Семь групп по три человека в каждой рассредоточились по поместью. А сам он с хозяином дома, Стивом, экспертом по зельям, адвокатом Малфоя и одним из свидетелей направились в кабинет.

Вот тут уже чувствовалась рука Драко: кабинет был отражением его самого — капризного, требовательного, нетерпеливого. Все было очень практично, аккуратно, но нарочитая простота обстановки стоила немалых денег, затраченных на обустройство рабочего места.

Драко нервно посмотрел на Поттера, потом на своего адвоката. Тот покровительственно сжал его плечо и указал на диван.

— Я требую отмены испытания сывороткой правды. Мой клиент и так во всем идет на сотрудничество, зачем подвергать его здоровье риску?

— Мистер Малфой сам согласился на все меры, чтобы отвести от себя малейшие подозрения, так что поберегите пыл для заседания суда, если оно, конечно, состоится. Вполне вероятно, что мистера Малфоя оправдают на месте, — Гарри терпеть не мог этого прощельгу-адвоката. Для скольких подонков ему удалось выцарапать свободу! Правда, это не спасло их от Азкабана. В конечном итоге Поттер посадил всех до единого с огромным удовлетворением. — Давайте приступим. Мистер Ледерманн, прошу вас.

Вперед выступил сухонький старичок. Он казался незаметным и неуместным здесь, в этом огромном кабинете, с высокими потолками и дорогой мебелью, но стоило ему открыть свой саквояж, как он преобразился. По-паучьи тонкие пальцы мимолетно и ласково погладили скляночки, отливающие всеми цветами радуги, глаза заблестели в предвкушении, а спина распрямилась. Перед ними был истинный знаток своего дела.

Он вытащил крохотный фиал и посмотрел его на свет. Удовлетворенно крикнув, мистер Ледерманн подошел к Драко и сказал:

— Выпейте это, молодой человек. А вы, — обратился он к стоявшему без дела Стиву, — принесите ему воды.

Стив вздрогнул и заморгал глазами, словно пытаясь понять, чего от него хотят, но быстро собрался и принес стакан воды со столика у камина. Резко протянул его Малфою, да так, что несколько капель выплеснулись тому на брюки, но Драко ничего не заметил,

рассматривая прозрачный фиал с жидкостью без цвета и запаха.

— Давай, Малфой, не тяни, — Гарри хотелось скорее покончить с этим.

— Хорошо. Твое здоровье, Поттер! — Драко одним махом выпил содержимое фиала, поморщился и запил водой. Взглянул на Поттера и свалился на пол, корчась и задыхаясь.

Гарри первым среагировал и упал на колени рядом с Малфоем. Навыки оказания первой помощи уже давно намертво ввелись в его рефлексы. Он перевернул Драко на бок, просунул свою палочку между его клацающих зубов, чтобы тот не откусил язык или подавился им, крепко сжал Малфоя в объятиях, ограничивая его движения.

— Ну что вы стоите?! Ледерманн, противоядие, быстро! Если я узнаю, что это ваших рук дело... — Поттер так злобно сверкнул глазами, что мистера Ледерманна чуть удар не хватил. — Скажите, — прошипел Поттер, — вы специально напросились на эту операцию, чтобы сквитаться с еще одним бывшим Пожирателем?

— Как вам не совестно, молодой человек, — покачал головой мистер Ледерманн, продолжая рыться в своем саквояже. — Мою жену уже не вернешь, да разве стал бы я так грубо подставляться? Если бы это был я, труп мистера Малфоя нашли через пару дней, и самые лучшие патологоанатомы не подкопались бы, решив, что это инфаркт. Вот, нашел!

Старик опустил на пол рядом с Поттером и Малфоем. Он крепко, с неожиданной для человека его возраста силой, схватил Драко за подбородок и влил зелье цвета абсента ему в рот. Драко захлебнулся, закашлялся, но проглотил. Несколько секунд спустя, бывшее в конвульсиях тело расслабилось, и он открыл глаза.

— Что случилось? — слабым, едва слышным шепотом проговорил Драко. — Почему я на полу? Почему все так болит? Потти, ты избил меня, да? Я что, сказал, что это я убивал их всех?

Малфоя снова затрясло. Гарри прижал его к себе покрепче и тихо сказал:

— Не говори ерунды, Малфой. Допрос даже не начался. Едва ты выпил Веритасерум как упал и стал дергаться.

— Ну что же, господа, я считаю на сегодня допрос можно считать оконченным, — пришел в себя адвокат. — Обыск может продолжаться, но состояние мистера Малфоя не позволяет нам...

— Я сам вижу, что не позволяет, — грубо перебил его Гарри. — На сегодня все могут быть свободны. И, мистер Ледерманн, не уезжайте пока из страны, у меня есть к вам несколько вопросов.

— К вашим услугам, молодой человек, — чуть поклонился мастер. — Никто и никогда не сможет обвинить Ледерманна в том, что он ненамеренно или умышленно допустил преступную халатность. Скорее всего, у мистера Малфоя аллергия на один из компонентов зелья, и я клянусь, что выясню, на какой!

— Не уходи, Поттер, пожалуйста! — попросил его Малфой, когда все потянулись к выходу.

Он цеплялся за него, как утопающий за соломинку. Слабые пальцы дрожали и соскальзывали.

— Конечно, я останусь. Может вызвать медика?

— Нет, все нормально. Я просто еще немного полежу, и все пройдет.

— Сэр, — раздался робкий голос Стива, — вы идете?

— Я же сказал, все свободны, — рявкнул Поттер, и Стива как ветром сдуло.

Никто — ни Малфой, ни Поттер — не заметил странного обиженного взгляда, который

бросил на них Стивен Питтерсон.

— Спасибо тебе, — спустя какое-то время сказал Драко.

Его перестало трясти в ознобе, он окончательно расслабился и украдкой поглаживал кончиком пальца аврорскую нашивку на рукаве Поттера. Он думал, что Гарри не видит этого, но тот заметил и промолчал, ловя странный кайф от того, что держит в своих руках этого знакомого незнакомца.

— Не за что.

— Можно тебя попросить? Если это, конечно, не поставит под угрозу твоё расследование.

— Разумеется, попросить ты можешь.

— Мог бы ты остаться сегодня в Меноре? Я чувствую, что обязан как следует надраться, а в одиночку это делать как-то пошло...

— До пятницы я абсолютно свободен, — улыбнулся Гарри, представив себе эту попойку — куда там самым безумным чаепитиям Кэррола!

— Замечательно! Тогда я сейчас распоряджусь накрыть нам стол.

— Ты не особенно усердствуй, я не голоден.

— А кто говорит о голоде? Надираться надо основательно и под обильную закуску, иначе это уже не вечер в компании с приятелем, а вульгарная пьянка. Но мы как-нибудь попробуем и этот вариант, — улыбнулся Драко.

Поттеру до странного не хотелось выпускать Малфоя из рук, но тот уже вскочил и чуть пошатнувшись, пошел к письменному столу, чтобы позвонить в колокольчик. Он звонил раз, другой, но никто не явился.

— Поувольнялись они там все к чертовой бабушке, что ли? — выругался Малфой и рывкнул во все горло: — Менни!

Но снова ничего не случилось.

— И охота тебе глотку драть, Малфой? — Гарри удобно облокотился о диван, продолжая сидеть на полу. Смотреть на злющего Малфоя снизу вверх оказалось забавным.

— Вот честное слизеринское, подарю всем одежду и выгоню к чертям собачьим! Совсем разленились! Менни!!! — проорал он еще раз.

Менни не появился, но с хлопком материализовалась пухленькая эльфийка, испуганно тарасившаяся то на разгневанного хозяина, то на его гостя, вольготно развалившегося на полу.

— Звали, хозяин?

— Где Менни?

— Донни не знает, хозяин.

— Так иди и приведи его сейчас же!

— Да, господин! — домовиха низко поклонилась и снова исчезла.

— Никакого сладу с ними нет, — проворчал Малфой, — а все из-за тебя. Вслед за Добби ушли еще три эльфа, и теперь о них говорят шепотом, как о героях революции. Совсем от рук...

Малфой не успел договорить — его перебил громкий хлопок появившейся домовихи и ее еще более громкий плач.

— Хозяин, там... — редела Донни. — Хозяин...

— Что случилось? — Малфой опустился на колени перед Донни и погладил ее по большим хрящеватым ушам. Несмотря на истерику, эльфийка смогла взять себя в руки и с

трудом проговорила:

— Там Менни, хозяин. Он совсем мертвый.

— Что?!

— Малфой, что случилось?

Драко перевел на него остекленевшие глаза и без сил упал на пол.

— Да что такое, можешь толком объяснить?

— Менни — это тот самый эльф, который мог подтвердить мое алиби на период последнего убийства... — прошептал Малфой. — Больше меня никто в тот день не видел.

Он икнул и вдруг истерически захохотал. Гарри смотрел на него во все глаза, переваривая новость. Когда истерика улеглась, Малфоя начала бить крупная дрожь, да так, что у него застучали зубы. Тогда Гарри притянул его к себе и крепко обнял.

— Поттер, что за ху*ня творится в моей жизни, а? — Малфой снова присосался к бутылке и сделал несколько больших глотков.

Гарри с силой отобрал у него виски и тоже отпил из горла. Не то чтобы ему сильно хотелось, просто было бы нечестно, если б Малфой напился вдрызг один. Ему и так сейчас хреново.

— Кто-то очень здорово под тебя копает, — он сделал еще глоток. Хороший добрый виски обжег ему горло и согрел внутренности. Очень хороший виски. — Ты уверен, что не перешел дорожку кому-то очень крутому?

— Кому? — голос Малфоя чуть не сорвался на фальцет от удивления. — Я обычная конторская крыса, да если бы еще в Министерстве при каких-нибудь секретных бумагах, а то просто — справки и разрешения выдаю! Кому надо так стараться — изображать маньяка, убивать столько невинных жертв, чтобы подставить меня? Да если меня завтра зарежут в переулке, все забудут об этом на следующий же день! Подумаешь, важная цаца! Дай сюда виски!

— На, только много не пей. Мне оставь.

— Да что ты жопишься, Потти? — захихикал Малфой. — Ты забыл, где находишься? У меня в винном погребе этого добра хватит, чтобы спить полк солдат и потом три дня похмеляться.

— Хороший ты мужик, Драко, оказывается!

— Согласен, но ты круче!

— Неправда! Я обычный...

— Обычный скромный герой, который не позволил упечь меня за решетку. По крайней мере, сегодня. Такими темпами у меня скоро наметится страстное свидание с Дементорами всего Азкабана.

— Я этого не допущу! — Поттер от переизбытка эмоций стукнул кулаком по полу и поморщился — пол был твердый, каменный, а рука стала странно безвольной и мягкой и будто бы чужой. По всему выходило, что он уже хорошо надрался, но явно недостаточно. Гарри подвинулся поближе к Малфойю на мягкий пушистый ковер.

— Спасибо тебе, Потти! — пьяно умилился Малфой. — Я так тебе благодарен, так благодарен! Чтобы я делал без тебя?

Малфой схватил Гарри за шею и уперся лбом в его лоб, жарко дыша в лицо винными парами.

— Отвали, Малфой, ничего такого я не сделал, — Гарри попытался отвести его руку и освободиться, но не получилось — хватка у Малфоя была как у питбуля. Пришлось терпеть. — Да и за что тебя арестовывать? Ты все время был на виду. Убить твоего домовика мог любой.

— Любой не пройдет в Малфой-мэнор, — прошептал Малфой, сжав рукой шею Гарри. — Каждый, кто прошел сегодня в поместье, был персонально допущен мною. Только тот, кто был тут, мог убить моего слугу. А я, Потти, терпеть не могу, когда убивают моих слуг. Но что я могу сделать? Я всего лишь жалкий неудачник, который, даже выходя отлить, становится подозреваемым в жутком деле. Кто еще мог так вляпаться?

— Я. Почти сорок лет назад, когда родился. Потом, спустя одиннадцать лет я

вляпывался в Волдеморта так часто, что это стало даже однообразным. Так что тебе ли жаловаться?

— У тебя были друзья, — вздохнул Малфой. Он словно забыл, как близко они сейчас друг от друга. — А кто есть у меня? Глупая мать, глупая бывшая жена? Сын, который забыл дорогу домой после развода? Я совсем один. Думаю, самый близкий мне человек — это тот урод, что убивает несчастных невест. Только он настолько хорошо знаком со мной, что знает, когда я трахаюсь, когда хожу отлить, когда сплю без задних ног, нажравшись виски, и успевает в этот самый момент разделать очередную дуреху, чья вина только в том, что она счастлива и собирается замуж в моем отделе.

— Ты не прав, Малфой! — Гарри стало даже как-то обидно. Он сжал нетвердой рукой плечо Малфоя, пытаясь подбодрить его. — Я не дам ему вывалить твоё имя в грязь!

— Пятном больше, пятном меньше, — горько усмехнулся Малфой, отпуская, наконец, его шею. — Не велика разница. Я — порченный товар, Потти.

— Нет, есть разница! — заскрипел зубами Поттер. Теперь уже он схватил Малфоя за шею и стукнулся лбом о его лоб. Стало больно, в голове чуть зашумело. — То, что было раньше, осталось в прошлом и быльем поросло! Я не позволю засадить невинного. Ты помнишь, как меня прозвали?

— Демон... — прошептал Драко, потрясенно рассматривая Поттера. Они были слишком близко, и поэтому им приходилось косить, чтобы смотреть в глаза друг другу, но ни одному это не казалось смешным. — Демон Авроры.

— Да, — выдохнул Поттер, отпуская Малфоя так резко, что оба покачнулись. — У меня в Азкабанае только подонки, а ты к ним не относишься. Я сделаю все, чтобы доказать, что ты невиновен!

— Ах, Поттер! — Драко бросился ему на шею, так сильно сжав в объятиях, что чуть не придушил. — Какой же ты молодец! Я бы расцеловал тебя, но ты можешь это неправильно понять. Ты же знаешь, какой я.

Он говорил это все, продолжая стискивать Поттера. Его слова звучали глухо, но так искренне, что Гарри сам обнял его.

— Да брось, Малфой! Я против предрассудков. Хоть ты и спишь с парнями, но ты — настоящий мужик. И последнее, Малфой.

— Да? — Драко отлип от него и вопросительно уставился пьяным чуть блуждающим взглядом.

— Не называй меня больше Потти. Мне не нравится.

— Хорошо, — удивленно заморгал Драко. — Как скажешь. Прости, я не подумал... просто привычка.

— Давай выпьем? — предложил Гарри, чтобы сгладить неловкость.

— Давай.

Некоторое время они молчали, словно давая закрепиться всем тем словам, что наговорили друг другу. Гарри оглядел кабинет Малфоя. Они сидели на полу, привалившись к дивану, и это казалось правильным. Представив, как они бы сейчас рассаживались за накрытым столом, чопорно попивая виски или коньяк из рюмочек, Гарри фыркнул.

— Что? — не понял Малфой.

— Да так, подумалось... Слушай, а клевый все же у тебя кабинет! А у меня двухкомнатная на задворках Лондона.

— Так перебирайся ко мне? А что, — загорелся Малфой, — представь, мы бы болтали

по вечерам у камина, попивая виски, играли бы в карты, катались на лошадях... Мои эльфы тебя на руках бы носили. Да и я был бы под таким присмотром, что никакой Палач не прикопался бы! Ну как бы он меня снова подставил под носом у самого Демона? Давай, Поттер, решайся!

— Если пить каждый вечер — сопьемся, — пробормотал смущенный Поттер.

— Это если напиться, как сейчас, а от стаканчика ничего не случится!

— А что скажет Нарцисса?

— Ой, да она в тебе души не чаёт за мое спасение! Она не будет против, особенно сейчас, когда мне грозит опасность.

— Но что подумают у меня на работе? Решат, что я непригоден для ведения дела по причине заинтересованности и отдадут его другому следователю. А тот не будет особо разбираться, если что-то произойдет.

— Да? — сник Драко, но тут же воспрял духом от новой мысли, — Но ты же говорил, что мне полагается наблюдатель! Вот и будешь наблюдать!

— Ну-у-у, если ты так ставишь вопрос, — у Поттера закончились аргументы, и он сдался: — Чем черт не шутит?

Идея показалась ему очень удачной. Именно здесь и сейчас он чувствовал такое единение с бывшим врагом, такое желание его защитить, что, не раздумывая больше, согласился. Они отметили это новым тостом.

Что было после, Гарри смутно помнил. Кажется, у Малфоя оказалась поблизости еще одна бутылка, но уже вина. Они решили, что оно пойдет в самый раз, и откупорили ее, долго провозившись с заклятиями. После второго глотка мир вокруг Гарри погрузился во тьму. Хотя было пара светлых моментов, когда память делала усилие и схватывала происходящее. Кажется, они зауживали друг друга, за что сразу выпили еще по одной. Спустя какое-то время они пели гимны обеих Британий — маггловской и магической. И последним, что запомнил Поттер, было то, что он сказал Малфоя, что тот — настоящий мужик и отличный товарищ, скрепив свои слова дружеским засосом.

Именно это мимолетное воспоминание вспыхнуло в мозгу Поттера, когда он проснулся. Гарри открыл глаза и тут же зажмурился — голова болела так, что хотелось умереть. Никогда еще расплата не была такой жестокой. Он бы застонал, но даже этот рефлекс вызвал бы ураган боли.

Тем не менее, Гарри собрался с мужеством и поднял голову. Все вокруг поплыло, но он понял, что все еще находится в кабинете Малфоя. Воспоминания нестройной чередой промаршировали мимо, и Поттер сжал голову руками, пытаясь выгнать их оттуда — слишком уж много он себе позволил, слишком разболтался. Малфой наверняка его высмеет. А, кстати, где он?

— Ну что, очухался? — бодро спросил Малфой.

— Угу, — сказал Гарри, через силу поднимаясь и усаживаясь на диване. Все вокруг закружилось, вызвав приступ тошноты, но он справился с позывом заблевать все вокруг.

— Что, хреново?

— Иди на хер, Малфой, — буркнул еле слышно Поттер. — Зато ты как огурец, будто совсем не пил!

— На вот, из личных отцовских запасов, — сжалился над ним Драко и протянул какую-то мензурку.

Гарри понадеялся, что это яд. Трясущейся рукой он принял «чашу Цикуты» и залпом

выпил. Горло обожгло холодом ментола, зато тошнота улеглась моментально. Гарри замер, прислушиваясь к организму. Зелье тяжелым холодным комком упало в его желудок, принявшись там хозяйничать. Спустя какое-то время предметы перестали расплываться, начало отпускаться. Последней исчезла головная боль. Гарри вздохнул, в который раз познав простую истину: счастье — это когда у тебя ничего не болит!

— Спасибо, Малфой.

— Мы снова перешли на фамилии? Помнится мне, вчера мы поклялись обращаться друг другу по имени.

— Ой, мы вчера много чего глупого сделали, — замялся Гарри. — Взять хотя бы идею о моем переезде сюда. Глупость же, правда? — с надеждой спросил он.

— Не знаю как тебе, — помолчав, ответил Драко, наливая себе кофе из большого блестящего кофейника и беря из вазочки плюшку, — но мне идея показалась гениальной. Кстати, эльфы уже распаковали твои вещи. Сейчас позавтракаем, и я покажу тебе твою комнату.

Гарри только и смог, что опалело вытаращиться на спокойного, как маггловский танк, Малфоя.

* * *

Праздник в честь Рождества в Малфой-мэнор был на удивление скромным и по-семейному теплым. Гарри с удовольствием общался с Андромедой и Тедди, расспрашивая последнего об учебе в Академии при Министерстве магии и о планах на будущее. Тедди отвечал, отчаянно стесняясь и пряча глаза. Тогда Поттер пожал ему руку и отошел к Нарциссе, которая пристально следила за тем, как общаются ее сын и внук.

Пройдя мимо елки, Гарри закатил глаза и покачал головой — эльфы в своем стремлении выразить восхищение и любовь, как обычно, перегнули палку. Пушистая нарядная ель в Большой гостиной едва виднелась из-за груды ярких аляповатых свертков, где на каждом значилось только его имя. Гарри не понимал, чем заслужил такую любовь эльфов, но их благодарность не знала границ. Свертки для семейства Малфой и их гостей казались ничтожно малыми по сравнению с этой пирамидой Хеопса.

— Нарцисса, простите меня за этот бедлам, — в который раз извинился перед хозяйкой дома Гарри. — Мне очень неловко, правда!

— Ах, дорогой, оставьте это! Мне кажется забавным такое преклонение. Люциус бы тоже оценил, доведись ему это увидеть, — тут Нарцисса помрачнела и надолго замолчала.

Гарри сочувственно сжал ее руку и украдкой огляделся в поисках Драко.

Малфой стоял у камина и разговаривал с сыном. Скорпиус казался точной копией отца, но с более мягкими и немного смазливими чертами лица. «Возмужает — станет очень красивым мужчиной. От девчонок, наверное, и сейчас отбою нет», — подумал Гарри, разглядывая Скорпиуса.

Но тут младший Малфой вдруг скорчил такую знакомую презрительную гримасу и резко отшатнулся от Драко, как от зачумленного. Тот попытался удержать его за рукав, что-то шепча, но Скорпиус рванулся и, не стесняясь гостей, закричал:

— Никогда тебе этого не прощу! Пошел ты, знаешь куда со своими подарками! — парень пронесся мимо, не глядя ни на кого, но Гарри услышал, как он процедил сквозь зубы: — Гребанный педик.

Поттер посмотрел на Драко и увидел такую боль на его лице, что у самого что-то кольнуло в груди. Драко смотрел сыну вслед так, будто бы прощался с ним навсегда. Ему понадобилась минута, чтобы прийти в себя, снова нацепить маску радушного хозяина дома и извиниться перед гостями за поведение сына. Андромеда и Тедди сделали вид, будто бы ничего не произошло, но Гарри чувствовал, что сцена оставила неприятный осадок. Едва дождавшись десерта, они поспешили откланяться, ссылаясь на срочные дела. Хозяева дома сделали вид, что верят им.

Как только закрылась дверь, Нарцисса извинилась и ушла к себе. Только сейчас Гарри заметил, как стара на самом деле мать Драко. Смерть мужа полгода назад и выходки внука не прошли для нее бесследно. Опираясь на руку рослого и сильного домовика, Нарцисса ушла в свои покои. Гарри и Драко остались одни в огромной гостиной. И вдруг Поттер почувствовал себя ужасно нелепо в этой праздничной обстановке, в тесном фраке, среди переливающихся серебристыми огоньками красивых и нарядных гирлянд, летающих музыкальных свечей и глуповато хихикавших феечек. Праздник и без того казавшийся вымученным и фальшивым, закончился катастрофой.

Драко обвел комнату пустым взглядом и хлопнул в ладоши. Огни тут же погасли, гостиная погрузилась во мрак и тишину. Осталось только рыжее живое пятно света от камина. И длинная тощая тень Малфоя на полу. Гарри стало не по себе. Ему вдруг почудилось, что к Малфою тянутся темные недобрые силы, желая утащить его с собой туда, где нет света и нет надежды.

Гарри шагнул к Драко и сжал его плечо. Ему показалось важным сделать этот жест, выразить Малфою свою поддержку. Тот молча поднял голову, его лицо было в тени, но светлые серые глаза, казалось, светились каким-то потусторонним светом. Драко сделал шаг навстречу и с еле слышным стоном уткнулся лбом в плечо Гарри, которому ничего не оставалось, как обнять его.

Прошло всего три дня с тех пор, как дело о Палаче привело его к Драко Малфою. И вот уже три дня у Поттера никого не было ближе. Как быстро изменились их натянутые отношения, превратившись из отчужденных в теплые и доверительные. Гарри до сих пор не верилось в это, но последние события все больше убеждали его в этом. Малфоя хотелось защитить любой ценой, и Гарри чувствовал в себе силы и возможность сделать это. Рядом с Драко он казался сам себе значимым и нужным. Рядом с Драко с его манерностью, страхом, неудачливостью, порочными пристрастиями Гарри казался себе гораздо более мужественным и сильным.

Становилось жарко, и Поттер не мог понять, жар ли это от камина или от Драко, все еще прижимающегося к нему, прячущегося на его плече от проблем и боли. Чтобы разорвать это неловкое молчание и отогнать от себя лишние ненужные мысли, Гарри спросил:

— Что случилось с твоим сыном. Почему он вылетел отсюда, словно ужаленый?

— Я расскажу. Я знаю теперь, что тебе можно доверять, Поттер. Только дай мне выпить, иначе я не выдержу и сделаю глупость.

— Мы уже вчера неплохо набрались, если помнишь, — попробовал пошутить Гарри. — Ладно, пойдем в мою комнату, заодно осмотрюсь.

Они вошли в гостевую комнату, хотя по справедливости ее нужно было бы назвать квартирой, и сели в кресла у маленького столика. Свет они не включали. Зачем? Гарри не хотелось видеть боль на лице у Малфоя, а Малфою не хотелось ее показывать.

Гарри молча прошел за выпивкой к бару и, не глядя, схватил первую попавшуюся бутылку. С сухим хрустом свернул крышку и принялся. Оказалось, что напиваться они будут коньяком. Он вернулся к столику и в лунном свете разглядел пузатые коньячные бокалы и маленькие тарелочки с тонко нарезанными лимонами, посыпанными тертым ароматным шоколадом. Гарри поневоле сглотнул слюну.

— Я же говорил, что мои эльфы будут тебя боготворить, — усмехнулся Малфой. — Наливай, чего ждешь?

Они долго пили молча, смакуя коньяк, закуску и боль. Каждый думал о своем, каждому нужно было помолчать, ощущая надежное тепло рядом. Когда Драко заговорил, Гарри вздрогнул: он уже стал привыкать к звенящей тишине, нарушаемой только звуком льющегося коньяка.

— Однажды я имел глупость влюбиться в парня, будучи еще женатым, — голос Малфоя был тихим и немного хриплым. — Верить-нет, Поттер, я просто потерял голову, обезумел от страсти и нежности. С нами, гребанными педиками, это тоже бывает, — горько усмехнулся он. — Я был не в себе, таскал его на все премьеры, ходил по ресторанам, возил его по курортам всего мира. Вел себя так, словно послезавтра конец света. Хотел все успеть, не

оглядывался ни на кого. Отцу с трудом удавалось затыкать жадные рты газетчикам, но кое-какие сплетни все же просачивались в прессу. Мне было плевать. Я любил так, как не любил никогда, да и не полюблю уже, наверное. Астория плакала, пыталась наладить наши отношения, но я только отдалялся от нее. Мне казалось странным проводить время с ней, когда я могу быть с Ним! Я почти ушел из дома, останавливала только угроза лишения наследства. Я согласился поддерживать внешние приличия в обмен на то, чтобы от меня все отстали.

Однажды я настолько обезумел, что привел своего любимого к себе, забыв, что дома гостит Скорпиус... — и Драко замолчал надолго. — Он вошел в комнату как раз тогда, когда его отец драл своего любовника в задницу так, что кровать грозила рассыпаться. Он стоял и смотрел на это, пока я не кончил и не скатился с любовника. Вот тогда я впервые увидел ненависть в его глазах. Я, бывший для него примером для подражания, оказался всего лишь грязным педиком, не стесняющимся приводить хахалей на супружеское ложе. Скорпиус сопоставил слезы и угнетенное состояние Астории, мои постоянные отлучки, грязные намеки в «Пророке». И возненавидел меня так сильно, как можно возненавидеть только низвергнутого идола.

Астория в ту же ночь собрала вещи и ушла из моей жизни. Сегодня был первый раз с той самой ночи, как я увидел Скорпиуса. Увидел, чтобы выслушать новые оскорбления.

— Он простит тебя. Он все еще тебя любит, потому так сильно и ненавидит. Когда он повзрослеет и отбросит этот юношеский максимализм, он найдет в себе силы простить тебя.

— Нет, не простит. Я сам себя никогда не прощу. После этой истории Люциус слег и вскоре умер. Его смерть тоже на моей совести. Я не смог стать тем сыном и отцом, которым можно было бы гордиться. Я подвел двух самых дорогих мне людей. Я полный неудачник, Поттер. Так что, может оно и к лучшему, что я теперь вляпался в историю с маньяком. Приговорят к Поцелую — и дело с концом!

— Не смей так говорить! Никто не заслуживает такой участи! И особенно ты!

— Что ты знаешь обо мне, Поттер? — устало вздохнул Драко. — Мы встретились впервые за многие годы. Прошло всего три дня.

— Поверь мне, я умею разбираться в людях, Малфой. И разве тебе не кажется, что мы стали ближе? — спросил Гарри и замер.

— Значит, мне не почудилось? — после некоторого молчания произнес Драко, и Гарри облегченно выдохнул: ему было очень важно, чтобы Малфой чувствовал то же, что и он.

— Нет, не показалось. Мы стали гораздо ближе, чем могли бы когда-нибудь предположить.

— Знаешь, я очень рад этому.

— Я тоже.

Они снова пили молча, но теперь из этой тишины вокруг них исчезла гудящая, тяжелая горечь боли и утраты.

Гарри Поттер сидел в своем кабинете и не мигая, словно змея, смотрел на мистера Ледерманна. Старенький зельевар поерзывал в глубоком жестком кресле, чувствуя себя весьма неуютно и некомфортно. А кто бы так себя не чувствовал под холодным изучающим взором Главного Аврора страны? Наконец, Гарри пошевелился, протянул руку к бумагам и уставился в них, продолжая молчаливую пытку. Вот тут-то мистер Ледерманн занервничал гораздо сильнее: Мерлин его знает, что понаписали эти недоучки из Отдела внутренних расследований!

— Значит, вы утверждаете, что не знаете, каким образом в вашем зелье обнаружили компоненты, едва не отравившие мистера Малфоя? — Поттер сдвинул очки на кончик носа и пристально посмотрел в бесцветные от старости глаза Ледерманна. Он долго тренировал этот пронизывающий взгляд, позаимствовав его у Дамблдора, вот только у директора Хогвартса никогда не было таких холодных и колючих глаз. Мистер Ледерманн вздрогнул.

— Смею предположить, молодой человек...

— Послушайте, мистер Ледерманн, — перебил его Гарри, поморщившись, — мы с вами не у тетушки на именинах, извольте соблюдать субординацию.

— Но я думал, что мой возраст и квалификация несколько смягчают эти и без того нетвердые требования... Хотя, ладно, чего еще можно ожидать от... — мистер Ледерманн вовремя остановился, иначе Поттер точно бы задержал его еще на несколько дней за оскорбление при исполнении. И без того он провел Рождество в камере, чувствуя себя еще более одиноким, чем после смерти жены двадцать лет назад. Старенький еврей поправил сползающие очки и напомнил себе, что этого молодого выскочки еще и в проекте не было, когда он помог раскрыть свою первую сотню дел. Мистер Ледерманн вздохнул и продолжил со все более звенящей учтивостью: — Я склонен полагать, что мое зелье тут ни при чем. Технология отработана столетиями зельеварения и отшлифована до безупречности лично мной, а это дорогого стоит, господин Главный Аврор! Не бывало такого раньше и не будет впредь, чтобы из рук Ледерманна выходило неправильное зелье! — Старик приподнялся в кресле, блестя глазами и воздев узловатый, чуть дрожащий от волнения палец к потолку.

Реакции не последовало и зельевар снова сел в неудобное для его старческих костей кресло. Он снова вспомнил, что на кону и какое именно преступление пытается раскрыть Главный Аврор. Что ему именитый зельевар, если от его действий зависело, поймают ли жуткого маньяка? Пусть уж как хочет, так и разговаривает, лишь бы толк был!

— Давайте оставим патетику в стороне и попытаемся вместе разобраться в проблеме, — словно подслушав его мысли, сказал Поттер и подался чуть вперед, демонстрируя полную готовность слушать. Это был его любимый прием — огорошить человека подозрениями и намеками, а потом якобы расположиться к нему, мол, нужно подумать, кто же тогда виноват? И люди, мысленно уже примерявшие тюремную робу, говорили много и страстно, желая отодвинуть подальше призрак стылой камеры, уже замаячивший перед ними. Но то ли Ледерманн видел его попытки насквозь, а то ли был настолько убежден в своей правоте, что он не стал цепляться за этот «шанс».

— Вот теперь это разговор, мистер Поттер, — старик чуть придвинулся на краешек кресла и уставился в глаза аврору. Некоторое время он молчал. — У меня было время подумать в той заплесневелой одиночке и вот до чего я додумался, молодой человек. Никто

решительным образом не мог испортить мое зелье.

— Значит, его испортили вы?

— Я этого не говорил, — отпустил нервный смешок старик. — Я говорю, что яд был принесен извне и добавлен непосредственно в воду, которой запивал мое зелье мистер Малфой. А доступ к этому стакану имели все, кто был тогда в доме. Вот и думайте, молодой человек, кто и зачем пожелал сорвать следственный эксперимент и у кого были на то причины.

Гарри погрузился в долгие раздумья. Все, сказанное зельеваром он уже продумал и на сто рядов просчитал все возможные варианты, но ему нужно было услышать это от специалиста, от человека, которому незачем топить Малфоя. Ледерманн подтвердил его подозрения, что тут не обошлось без предательства в их рядах. Видимо кому-то очень уж не терпелось схватить знаменитого Палача Невест.

— Как скоро мистер Малфой сможет дать новые показания?

— Боюсь, уже никогда.

— То есть? — такого ответа Поттер не ожидал.

— Яд, добавленный в воду, сделал мистера Малфоя весьма чувствительным к любому из компонентов Зелья Правды. Причем, этот токсин очень устойчив и вывести его из организма полностью не удастся никогда. Мистеру Малфойю теперь строго противопоказаны любые из зелий, в которые входят ингредиенты из Веритасерума. Иначе он просто умрет, если не оказать ему помощь мгновенно.

Поттер смотрел на старичка, являющегося самым видным экспертом в своей области в Европе. Ледерманну незачем лгать. Значит, кто-то действительно готов пойти на все, лишь бы повесить на Малфоя эти убийства. Кто же мог быть настолько жесток, кто мог так страстно хотеть его смерти и позора? Кто имел прямой доступ в Малфой-мэнор и кто мог убраться незадачливого свидетеля-эльфа? Кто?

Отпустив старика домой, Гарри выписал повестку для Малфоя. Когда он вписывал в бланк имя, все мысли были о том, что скажет ему Драко, когда узнает о его подозрениях? Но это его работа — проверять все версии, невзирая на личности и симпатии. Он отдал дежурному повестку на имя Скорпиуса Малфоя и заперся у себя в кабинете со стаканом бренди.

* * *

— Здравствуйте, мистер Малфой, — вежливо поздоровался Гарри со Скорпиусом.

— И вам здравствуйте, мистер Поттер, — помолчав, ответил Скорпи. Похоже, он испытал облегчение, когда не увидел своего отца в кабинете у Главного Аврора. Ему ли не знать, как в последнее время сдружились бывшие школьные враги.

— Вы знаете, почему я вас вызвал, мистер Малфой?

— Не имею ни малейшего понятия, сэр, — отрапортовал Скорпиус. — А и правда, для чего?

— Вы в курсе, что ваш отец подозревается в серии жестоких убийств?

— Об этом в курсе вся Британия. И я, как и все, только и жду, когда вы прекратите устраивать цирк и передадите дело в суд для вынесения приговора.

— Ну, до этого еще очень далеко... А вы, я смотрю, уже вынесли собственный вердикт?

— Мне абсолютно безразлично, чем там занят этот человек, пока он не лезет ко мне и маме. Получит Аваду — я не заплачу. И мне все равно, кто пошлет это проклятие — палач или случайный прохожий, которому надоело смотреть, какие пируэты вы выплясываете

вокруг этого пидора.

— Вы, похоже, очень злы на отца?

— У меня нет отца. Он умер для меня в тот самый день, когда без зазрения совести притащил свою подстилку на супружеское ложе, в наш родовой дом.

— Но ведь он не перестал от этого быть вашим отцом, не стал вас меньше любить? Почему вы судите так поверхностно?

— А вам какое дело? Вы что, тоже решили согреть его постель?

— Вы забываетесь, молодой человек! — Гарри так врезал по столу кулаком, что боль от удара отдалась у него в голове, но он продолжал сверлить яростным взглядом испуганного Скорпиуса, понявшего, что перегнул палку.

— Я вам еще раз повторяю, — сумел справиться с испугом Скорпиус, — мне нет дела до этого человека. Он умер для меня.

— Но он тем не менее жив-здоров и не оставляет попыток сблизиться с вами, объяснить вам, как вы заблуждаетесь, — голос Гарри стал обманчиво-мягким и спокойным.

— Я никогда его не прошу за то, как он опозорил мою мать и меня! Каждый раз, когда он присылает нам сову, мама потом плачет у себя в спальне. Она думает, что я не знаю, но я все слышу, когда она забывает поставить Заглушающие чары. И с каждым ее всхлипом я ненавижу его все больше и больше!

— То есть настолько сильно, что намеренно отравили его в собственном доме? — легко и почти весело спросил Гарри, впившись взглядом в Скорпи.

— Да! То есть, нет! Конечно же, нет! Как вы могли такое про меня подумать? — смертельно побледнел Скорпиус.

— Но вы сами только что расписывали, насколько сильно ненавидите отца за измену и предательство. Только вы настолько близки к нему, что прекрасно осведомлены о его расписании, о его поездках и встречах. Только у вас есть абсолютный доступ в Малфой-мэнор, ко всем подвалам и лабораториям, и к шкафам с зельями и ядами. И только у вас есть настолько сильный мотив, чтобы начать воплощать свою месть. Хладнокровно, раз за разом подстраивая все так, чтобы тень подозрения, а после и абсолютной уверенности в виновности легла на него. И я не вижу на вашем пальце кольца младшего лорда Малфоя, благодаря которому мы и заподозрили вашего отца. Где ваше кольцо, мистер Малфой?

— Ч-что вы хотите сказать? — мертвым голосом кое-как проговорил перепуганный Скорпиус, окончательно растерявшись. — Вы намекаете, что я — Палач? Это бред какой-то!

— Я не намекал. Вы сами это сказали.

— Ну, нет! Такие штучки со мной не пройдут! — Скорпиус сделал движение, чтобы встать из кресла и с оскорбленным видом покинуть кабинет, но Гарри холодно зашипел на него, прервав движение в зародыше:

— Сядь на место, щенок!

И вдруг он каким-то неуловимо-опасным движением очутился рядом. Только что сидел за столом, чуть приподнявшись в кресле, и смотрел на него, а тут, секунду спустя, стоит рядом и буравит таким пронзительным, таким холодным, почти ненавидящим взглядом. Скорпиус нервно сглотнул, почувствовав себя совсем ребенком. Он вдруг понял, почему теневой мир магов прозвал Главу Аврората Демоном. Человек, стоявший сейчас рядом с ним, и был самым настоящим демоном. Холодным, расчетливым и ненавидящим тебя по той простой причине, что ты встал у него на пути. Все рефлексy, все чувства Скорпиуса сейчас вопили: сиди и не шевелись, и может быть, пронесет, и останешься жив. Впервые в жизни

Скорпиус, маг в черт его знает в каком поколении, ощутил, что такое суеверный, вынимающий душу страх.

— Где ты был с одиннадцати дня до шести вечера в день последнего убийства? — едва слышно прошипел сквозь зубы Поттер.

— Я-я-я, не помню, — начал заикаться Скорпиус. Ему вдруг так захотелось, чтобы случилось чудо и этот момент оказался страшным сном, от которого просыпаешься с бешено колотящимся сердцем, в поту, но неизмеримо счастливый от осознания, что это только лишь сон.

И чудо, вопреки всякой статистике, случилось: громко переругиваясь с дежурным, на пороге возник Драко Малфой собственной персоной. Он, наконец, смог стряхнуть с себя молоденького аврора, не пускающего его в кабинет шефа, и громко заявил:

— Закрой рот Скорпиус и молчи! Во имя всех богов заткнись!

* * *

— Как ты мог, Поттер! Как ты мог! — Драко не находил себе места, ходя из угла в угол своей библиотеки и призывая все громы и молнии на довольно шутившегося Поттера. — Как ты посмел вызвать моего сына? Как у тебя вообще возникла мысль, что это может быть он?

— Я обязан рассмотреть все варианты, — четко проговорил Поттер, разглядывая нервного Малфоя.

— Черта с два ты там что-то обязан! Надо же было додуматься до такого!

— Повторяешься, Малфой, — Поттер отхлебнул немного виски и мысленно поставил себе галочку, что пора бы прекратить уже эти посиделки с горячительными напитками, а то недолго и спиться.

— Да пошел ты в жопу, Поттер!

— Сам туда вали. Я дороги не знаю.

— Ах, ты еще и издеваешься? — Драко чуть ли не с кулаками подступил к Поттеру.

Но тот продолжал спокойно сидеть в кресле и, близоруко прищурившись, смотреть на него снизу вверх. Ну не бить же по морде сидячего? И Драко снова начал бегать из угла в угол, проклиная тот день, когда вообще увидел Поттера в магазине мадам Малкин. Надо было тогда придушить мерзавца сантиметром, и не стало бы стольких проблем! Драко снова уставился уничтожающим взглядом на Поттера и вздрогнул: тот явно прекрасно читал по его лицу, все, о чем он думал. Плюнув на него, Драко уселся в свободное кресло, нервно подергивая ногой.

— Я вот не могу понять, чего ты кипятишься? Все же хорошо. Твой Скорпиус сразу нюни распустил, как тебя увидел и под крылышко к папочке. Видимо сопоставил, что страшнее: подозрение в серийных убийствах или простить своего недостойного папашку. Как видишь, страх победил.

— Да пошел ты, психолог херов! — огрызнулся Драко, но согласился про себя, что Поттер был прав.

Едва завидев его на пороге, Скорпиус с такой надеждой воззрился на него, что Драко только за этот взгляд был готов добровольно сознаться во всех нераскрытых преступлениях со времен Мерлина. А уж после того, как Поттер, мудака чертов, промурыжив их еще час вопросами с подковыркой, отпустил восвояси, Драко был готов обнять весь мир за робкие извинения сына, за его бегающие глаза и жаркий румянец стыда. Только примирение с сыном и удержало Малфоя от того, чтобы не заавадить Поттера тут же, в библиотеке, когда вернулся домой. По правде говоря, Драко рассчитывал, что у Поттера хватит совести съехать

к его приходу, но видимо там, где воспитывали этого дебила, совесть была в строжайшем дефиците.

— Если ты рассчитываешь, что я стану тебя благодарить за этот балаган, что ты устроил...

— Да я и не рассчитываю, — промурлыкал Поттер. — Хотя, версия, конечно, была шикарная... У твоего сына были и мотив, и средства, и возможность... Прямо хоть в учебники вставляй! Если бы не твердое алиби на несколько из убийств.

— Ах ты, гад! — Драко схватил со стола графин с виски и запустил его в дубовую голову Поттера, но тот ухитрился перехватить тяжелый хрустальный сосуд, не расплескав и капли.

— Не нервничай, Малфой. Лучше, давай выпьем?

— Алкоголик, — проворчал Драко, уже успокоившись и поняв, что все, произошедшее получилось к лучшему. — Наливай, чего уж, смотреть на него что ли?

Снова, как несколько дней назад они молча выпивали в кабинете Драко. Но теперь из этой тишины исчезла добрая доля обреченности.

* * *

— Твою мать! — Драко отбросил утреннюю газету так, словно она была ядовитой змеей.

— Ты потише там матькайся. Я чуть овсянкой не подавился. Кстати, а почему сегодня снова овсянка?

— Я думаю, тебя сейчас будет интересовать совершенно другой вопрос...

Что-то во взгляде и тоне Малфоя заставило Гарри обойти длинный стол и прочитать отброшенную газету. На передовице красовалась огромная, на пол-листа, надпись:

«Частные дела аврора Поттера или почему главный подозреваемый по делу Палача все еще на свободе? Только у нас шокирующие факты и аргументы, из которых вы сами сделаете вывод, может ли дальше Гарри Поттер вести громкое дело по поимке маньяка, будучи в весьма близких отношениях с самым знаменитым геем страны?»

Гарри бесцельно бродил по парку мэнора и размышлял над тем, в какой момент его жизнь пошла под откос? Отправной точкой, конечно же, стало злополучное дело Палача. Дело, которое могло или продвинуть его по службе, или окончательно утопить. Вышло второе.

После разгромной статьи в Пророке дело у него забрали, поручив одному из начальничьих жополизов. Вспомнив об этом, Поттер поморщился, как от зубной боли. Он был уверен, что дело теперь провалят в рекордные сроки или повесят на невиновного. Впервые за долгие годы Гарри молился, чтобы произошло убийство. Он хотел, чтобы Палач выбрал еще одну жертву, чтобы Драко выпустили из следственного изолятора.

Досадливо пнув смерзшийся сугроб, аккуратно притулившийся у дорожки, Гарри добился только того, что куски заледеневшего снега рассыпались вокруг, а на его ботинке появилась глубокая царапина. Тихий арест Малфоя был болезненным, но не неожиданным мероприятием новой команды следователей. Их можно было понять. В случае очередного убийства Драко бы выпустили — еще бы не выпустить! — а в случае отсутствия жертв... Ну что ж, им не нужно будет далеко ходить за обвиняемым. И все доводы Гарри, что Малфой невиновен, просто пропустят мимо ушей — у всех еще была свежа в памяти скандальная статья в газете.

Ему припомнили всё. Все его аресты, дела и жалобы подследственных, на которые прежде смотрели сквозь пальцы. Раньше Министерству нужен был результат, и было не важно, как Гарри его добивался. Теперь же потоки дерьма ежедневно выливались ему на голову. Все «обиженные и оскорбленные» начали писать жалобы, и Уизенгамот был вынужден отправлять все больше и больше дел на доследование «в связи с открывшимися новыми обстоятельствами». Поттер сплюнул от отвращения. Раньше никого не волновало, как он сажал мерзавцев, лишь бы не ходили и не творили беспредел. Нашли, в общем, козла отпущения! Только Стив был за него горой, только этот неопытный стажер беспрекословно верил ему, хоть и косился на Малфоя.

— Господин Гарри, — материализовавшийся рядом домовик съежился от страха. — Завтрак подан. Госпожа Нарцисса ждет вас, — и быстро исчез с громким хлопком, напомнившим Гарри выстрел.

Он смотрел на место, где только что стоял домовик. Вот уже и они его боятся. Хоть и знают, что он не причинит им вреда, но жуть, которую он знал за собой, заставляла домовиков трястись от ужаса. То, за что раньше его прозвали Демоном, теперь рвалось наружу. Несправедливость обвинений, постоянные шепотки, повестки на заседания Уизенгамота, где он был вынужден давать унижительные оправдания, пренебрежение людей, когда-то молившихся на него — всё это наполняло его душу черной жадной мести. И только дело Драко не давало ему демонстративно бросить значок и удостоверение Аврора в сытую харю Министра внутренних дел Аврората. Но как только Малфоя оправдают...

Поймав себя на том, что он добрых пять минут пялится в пустоту, что губы сами собой шепчут Непростительные заклятия, Гарри встрепенулся и медленно побрел обратно в дом, постепенно ускоряя шаг. Он знал, что Нарцисса и Скорпиус не сядут без него за стол. Предстоял еще один тягостный прием пищи, когда еда не лезла в рот и не хотелось поднимать глаза.

Одним из непрерываемых распоряжений Драко перед арестом стало то, чтобы Гарри оставался жить в его поместье.

«Если ты сейчас съедешь, то только укрепишь сплетников в их инсинуациях. Будь выше всего этого, Поттер», — сказал ему Малфой после того, как обугленные остатки злополучной газеты дотлели в центре аккуратно сервированного стола.

Драко спокойно доел свою овсянку, невозмутимо убрав из тарелки пару кусочков испеченной газеты, и неспешно утерев рот льняной салфеткой, встал и направился к выходу.

«Ты куда?» — Гарри, которому хотелось разгромить редакцию Пророка или завадить автора статейки, было дико видеть столь спокойного Малфоя, хотя мог бы и привыкнуть уже, конечно.

«Как куда? Вещи собирать. Я уверен, что в самое ближайшее время тебя вызовут со мной в Министерство, а пока тебя не будет, придут за мной».

«Я не позволю!» — вскинулся было Гарри, но замолчал остановленный насмешливо-теплым взглядом Малфоя.

«Поттер, смирись. Тебя так же слили, как и меня. Кому-то очень уж хочется утопить меня в дерьме. Прости, что и тебя утянул за собой».

«Да пошел ты, Малфой! — Гарри соскочил так резко, что опрокинул стул. Он подбежал к Малфоя, и, глядя ему в глаза, встряхнул его хорошенько. — Я не позволю!»

«Мне жаль, Гарри. Мне так жаль...» — насмешка в глазах Драко совсем растаяла, сменившись виной. Он накрыл кисть Поттера прохладными пальцами и легонько сжал их, чуть задержался, словно пытаясь запомнить адский огонь, горящий в глазах Поттера, потом решительно откинул его руку и вышел.

А Поттер остался стоять, чувствуя, как горят пальцы там, где их касался Драко. Он стоял и не мог выдать ни одной связной мысли, в голове словно взорвали световую гранату. Он только и мог, что шептать: «Я не допущу!», — но он сам уже чувствовал, что Малфой стал ему дорог и не только как бывший сокурсник, враг, с которым волей судьбы ему выпало замирился. Малфой занял прочное место в его душе, там, где долгое время уже пустовало место. Ему хотелось защитить его от всех бед в мире, хотелось увидеть хоть раз серые холодные глаза счастливыми.

Еще не отдавая себе отчет, не решаясь признать и принять эту правду, Гарри уже был готов сделать для Малфоя всё. Не абстрактное «всё», когда опускаешь руки перед невыполнимым, а действительно ВСЁ! Если понадобится, то украсть и укрыть его, ценой собственной репутации и жизни. Вот только он был уверен, что Малфой ни за что не примет такой жертвы. Гарри был твердо уверен, что занимает в душе Малфоя еще более прочное место, ведь Малфой — педик, а значит, и на Гарри смотрит чуть по-иному.

Мысль о том, что Малфой может хотеть его, против обыкновения не заставила Гарри передернуться и брезгливо сморщиться, напротив, ему вдруг стало приятно. Осознав это, он замер, пытаясь понять, что же тогда он чувствует? И сразу же смутился от одной попытки разобраться в этих непривычных наворотах чувств и мыслей. «Валить надо отсюда!» — подумал он и рванул к себе в комнату.

Свалить не получилось. Драко просил его остаться, и он остался.

Как и ожидал Гарри, завтрак проходил в неловком молчании. Скорпиус вяло ковырял традиционную овсянку. Нарцисса, чуть притронувшись к еде, смотрела в окно, играя с бриллиантовым кольцом на правом безымянном пальце. Гарри, помимо воли, постоянно

возвращался взглядом к искристым переливам небольшого, но изящного камня. Нарцисса нервно крутила ободок колечка большим пальцем, и в этом движении Гарри прочитал, что ее что-то мучает. Что-то, помимо того, что ее сын сейчас в тюрьме по подозрению в серийных убийствах.

— Скажите, Гарри, — решила она, — как вы считаете, Драко оправдают?

— Конечно! Палач не сможет остановиться и снова убьет. Да и арест Драко держится втайне. Я уверен, что все будет хорошо! — поймав себя на том, что начинает говорить штампами, Гарри заткнулся, вдруг резко «захотев» пить.

— Гарри... — Нарцисса запнулась и помолчала, раздумывая, стоит ли продолжать, но пересилила себя: — скажите, Гарри, это очень плохо, желать, чтобы Палач убил еще раз? — она перешла на шепот.

Гарри метнул взгляд на Скорпи и увидел еще один горящий смущением и надеждой взгляд.

— Нет, не слишком. Я сам об этом думал...

Завтрак продолжился в прежней тишине, но теперь из нее исчезла последняя напряженность.

— Как вы это объясните, Поттер? — на лице Министра отразилась такая гамма эмоций, что Гарри невольно позавидовал. Он бы не смог так естественно и быстро сменить гнев на нетерпение, нетерпение на отвращение, отвращение — на презрение, а после, как вишенка в сложном десерте — брезгливость.

— Что именно, сэр?

— Вот это, — Министр бросил ему газету, словно это была навозная бомба.

Гарри взял ее со стола, развернул, уже догадываясь, что увидит. Со спокойствием, которого он не мог подозревать в себе, он прочитал очередную гнусную инсинуацию бульварного писаки. Все же у него был самый лучший учитель. Нужно будет поблагодарить Малфоя за уроки выдержки.

— И вы верите этому? — он посмотрел поверх газеты на Министра, нервно постукивающего пальцами по столешнице.

— Я могу думать все, что угодно, но читатели верят... как там его?

Поттер скользнул взглядом вниз и, прочитав имя автора, ответил:

— Какой-то Джон Берлинер. Странно...

— Что еще?

— Странная фамилия у него. Берлинер — это такие пончики с джемом.

— Это все, что вас волнует?

— А что еще?

— Неужели вы можете сказать только это?

— Сэр, я не понимаю...

— Кончай ломать комедию, Поттер! — взорвался Министр. Его лицо нездорово покраснело, как это бывает у сердечников. — Отвечай, это — правда? То, что написано в статье!

— По-моему, вы уже сделали свои выводы...

— Поттер... — с угрозой начал Министр, рванув ставший слишком тесным галстук.

— Что вы хотите от меня услышать? Что я сплю с Малфоем? Что он — Палач, и я делаю все, дабы выгородить своего любовника? Или подробности того, с каких пор я педик? Или то, почему почти без писка выпускают арестованных мной? Что вы хотите от меня?

— Так значит это — правда... — скорее утвердительно, чем вопросительно проговорил потрясенный Министр.

Гарри сидел, непринужденно закинув ногу на ногу, с внезапно проснувшимся отвращением разглядывая шефа. По всему выходило, что годы безупречной службы строем шли дементору в жопу, стоило одному недоумку что-то вякнуть. Так стоила ли тогда эта служба бессонных ночей, одиночества, срывов, запоев, сделок со своей совестью, только лишь бы обыватели могли спать спокойнее? Те самые люди, что раньше смотрели на него, как на живое воплощение Немезиды, теперь захлеб вычитывали грязные домыслы и со вкусом обсуждали это в кругу семьи, друзей, коллег. А не пошли бы они все!

Видимо, что-то почувствовав, Министр откашлялся и сказал:

— Нам удалось придержать этот тираж, но утром он выйдет в печать, мы ничего не сможем сделать. У вас есть время... — тут он замаялся: все же не часто приходится увольнять одного из лучших оперативников.

— Не мучьте себя, сэр. Сегодня я сдам дела, кому скажете, и когда выйдет тираж газеты, никто не сможет обвинить отдел в предвзятости.

— Поймите правильно, Поттер...

— Я все понимаю, шеф. Скоро выборы, а такие скандалы отнюдь не поднимают рейтинг претендента на пост Министра магии. Всего вам доброго, но не рассчитывайте на мой голос.

Гарри встал, нарочито аккуратно свернул и положил на стол мерзкую газетенку и, чеканя шаг, направился к выходу, но на пороге его догнал неожиданный вопрос:

— Куда вы теперь, Гарри? Может, я смогу похлопотать за вас...

— Куда? — Поттер обернулся и холодно посмотрел на Министра внутренних дел Аврората, пытающегося сохранить видимость доброжелательности. — В отпуск. Я не был в отпуске десять лет. Мне кажется, самое время погреть старые кости на жарком пляже и подлечить боевые ранения. Так что за меня не переживайте, я не пропаду, — Гарри посмотрел на бывшего шефа долгим пронзительным взглядом. — А вы далеко пойдете, гораздо дальше, чем я смог бы послать вас, — и вышел из кабинета.

Он шел по коридорам, встречая бывших коллег, бывших друзей. Теперь все смотрели на него как-то странно, будто он инопланетянин. «Знают, — подумал Гарри. — Все уже в курсе этой статьи». Как ни странно, это его больше не трогало. Все их взгляды и шепотки за спиной словно отскакивали от него, не задевая ни самолюбия, ни гордости. Он стал выше сплетен. И снова благодаря Малфюю.

— Шеф, вы куда? — на дороге внезапно возник Стив. Несмотря ни на что, он продолжал смотреть на него как на кумира, и только поэтому Гарри неохотно ответил ему:

— Я уйду, Стив.

— В отпуск?

— Нет, совсем. Я уверен, что ты станешь очень толковым оперативником, Стив. Я еще буду гордиться, что учил тебя основам.

— Я не понимаю, шеф, — недоуменно захлопал глазами Стивен. — Но почему?

— Потому что Малфой — педик, — внезапно выдал Гарри и чуть истерично расхохотался. Что бы он там не воображал по поводу своей брони от всех сплетен, но его все же пробрало. Продолжая хохотать, словно сумасшедший, Гарри пошел дальше, оставив Стива растерянно смотрящим ему вслед. Постепенно недоумение на лице Стива сменилось жадой решительных действий.

* * *

Он шел по коридору редакции и видел только заветную дверь, за которой, как ему сказали, и сидел тот самый «сказочник», сочиняющий небылицы о них с Малфоем. Он не видел никого, но встречные люди шарахались от него в ужасе и, едва придя в себя, бежали рассказать, что только что видели Демона в том самом обличье, в котором он представал перед преступниками. Говорили об этом с коллегами, нервно подкуривая сигареты или наливая себе кофе трясущимися руками, и подспудно были благодарны судьбе, которая пронесла их от встречи с Гарри Поттером, находящимся в состоянии холодного бешенства.

Не постучав, Гарри вошел в дверь небольшого кабинетика, где притулились один к другому три стола, и что-то судорожно печатали трое молодых борзописца. Вот двое из них недовольно подняли на вошедшего глаза, словно осуждая за прерывание творческого процесса и полета авторской мысли, но, увидев чуть прищуренные глаза Демона Авроры, разом побледнели. И вдруг, не сговариваясь, молча встали из-за своих рабочих мест и

тихонько вышли, стараясь не привлекать к себе внимание Поттера, от чьего взгляда, казалось, могла замерзнуть преисподняя.

Они остались наедине: Поттер и увлеченно что-то строчащий молодой человек. Гарри мог бы поклясться, что тот сейчас сочинял очередную небывлицу о нем и Драко. Одну из тех, что уже стоили ему карьеры, а Малфою могли стоить жизни.

Неслышно подойдя к столу, Гарри одним махом скинул на пол все, что находилось на нем. Зашуршали взметнувшиеся листки чистой и исписанной бумаги, жалобно звякнула пишущая машинка, словно пуговицы, сыпанули во все стороны ее костяные клавиши, разбилась старинная чернильница-непроливайка, раскололся с глухим стуком тяжелый малахитовый подстаканник для перьев и карандашей. Тот, кто подписывался Джоном Берлинером, вскрикнул и начал привставать с места, готовясь произнести отповедь наглецу, посмевавшему учинить такой разгром, но, наткнувшись взглядом на зеленые глаза хищника, что сейчас стоял, нависая над ним, Джон передумал и, чуть слышно пискнув, сел обратно.

Мистер Берлинер бледнел все больше, представляя миллион и еще один способ, с которыми Демон мог с ним расправиться, и, прекрасно понимая, что Поттер все мысли читает по его лицу, пугался еще сильнее. Несмотря на то, что Главный Аврор впал в немилость, он еще очень многое мог, и что-то подсказывало несчастному Джону, что нашивка Аврора только сковывала его, а теперь... Вообразив, что вот прямо сейчас его начнут убивать, Джон нервно сглотнул и зажмурился. Только бы поскорее. Не хотелось бы на себе испытать те заклятия, о которых, шепотом и нервно озираясь, рассказывали ему некоторые заключенные, брошенные в Азкабан Поттером. Уж лучше быстрая и милосердная смерть, чем...

— Кто? — спросил Поттер, продолжая уничтожать взглядом этого трясущегося червя.

— А? — поняв, что прямо сейчас, кажется, его не будут убивать, Джон приоткрыл глаза.

— Кто сливал тебе информацию?

Уверенный и повелительный тон подсказал Джону, что он не должен юлить — Поттеру и так дорогого стоило говорить с ним после всех тех статей, а значит, не нужно и дальше дразнить гусей.

— Один парень из Аврората.

— Его имя?

— К-кажется, Стивен. Да-да, точно! Стивен Питтерсон его зовут! Не бейте меня, пожалуйста, — жалко пискнул Джон и снова зажмурился, в любой момент ожидая Круцио в лоб, но внезапно что-то изменилось. Он не мог объяснить себе, что именно, ведь не раздалось ни шороха, не чувствовалось и мимолетного движения воздуха, а ведь Джон напряженно ожидал возмездия. Просто исчезло ощущение Присутствия чего-то страшного.

Сделав невероятное усилие, Джон открыл глаза и выдохнул с таким облегчением, с каким переводят дух люди, почувствовавшие на своей щеке дыхание самой Смерти, чудом — на миллиметр, на волосок — разошедшейся с ними. Она и разминулась с ним, отойдя от скрученного страхом человечка, побрезговав. Схватив себя за волосы, Джон Берлинер истерично рассмеялся, еще не чувствуя, как под ним растекается вонючая лужа.

Гарри смотрел на изломанное тело Стивена и все никак не мог поверить. Сейчас, когда работники морга обмыли его, сложив руки на груди покойника в жесте спокойствия, Стивен не выглядел тем окровавленным куском мяса, которым его обнаружили в городской квартире Малфоя.

Заново пережив тот обескураживающий кошмар, Гарри сел на низенький стул прозектора и, невзирая на все запреты, закурил. Он продолжал смотреть на тело бывшего стажера, стыдливо прикрытое простынкой, делая одну за другой глубокие затяжки и совершенно не ощущая вкуса табака.

Кто бы мог подумать, что Палачом, держащим в страхе всю округу, окажется такой способный и старательный Стив?! Гарри, не глядя, прикурил новую сигарету, стараясь привести в порядок скачущие мысли. Он вспоминал, что убийства начались сразу после того, как Стивен попал в убойный отдел под его личную опеку. Как раз за разом они выезжали на места преступлений, как талантливый и смысленный ученик все больше радовал своими успехами строгого наставника. Несмотря на принципы, Поттер позволил своему ученику занять место почти что друга. Застонав, он сжал виски руками, не замечая, как пепел падает ему на голову, одежду, он вообще забыл, что держит сигарету в руках. Перед его глазами проносилась сцена, как он нашел Стива.

Пылающий убийственным гневом, стократно усиленным из-за неожиданного предательства близкого человека, Гарри вышел из редакции Пророка, еще не зная, чего хочет больше: убить Стива, или умереть самому. В его голове не укладывалось, как это могло произойти, и чем он заслужил такое?

Пользуясь магическими метками Учителя, по которым он всегда мог установить местонахождение подопечного и в случае беды успеть помочь, Гарри отыскал Стивена. Возникшая перед его мысленным взором карта, где желтой точкой мерцали метки Стива, указывала, что тот находился сейчас в престижном маггловском районе. Постоянно сверяясь с картой-проводником, Гарри довольно быстро нашел своего бывшего стажера.

Стивен был внутри огромной квартиры, которые магглы, кажется, называют пентхаусами, а Гарри считал их просто непомерными и претенциозными чердаками. Дверь была открыта, и Гарри уверенно вошел внутрь — с хозяином-магглом он, если что, быстро разберется. Держа палочку наготове, неслышно шел через анфилады богато обставленных комнат. Судя по меткам, которые Поттер начал чувствовать и без помощи карты-проводника, Стивен находился в следующей комнате. Еще не успев понять, что же не так с внезапно похолодевшими метками, Гарри ворвался в большую спальню и увидел Стива.

Он лежал лицом вниз, сжимая в руках палочку. В луже собственной крови и остатках того, что было его животом. Взгляд уже остекленевших глаз, неподвижно застывших на бледном, в брызгах крови лице, был спокоен и умиротворен. Как и глаза последней жертвы Палача, чья головка лежала сейчас рядом со Стивом в сосуде с какой-то прозрачной желтоватой жидкостью.

Гарри почувствовал, что ноги его не держат, и вышел из комнаты. Еле дойдя до кожаного диванчика, он сел, все еще силясь осознать увиденное. На автомате послал Патронуса в Аврорат с сообщением о страшной находке в квартире неизвестного маггла. Следственная бригада прибыла в рекордные сроки и развила бурную деятельность. Один из

авроров сказал, что он лично обыскивал эту квартиру совсем недавно — она принадлежала Драко Малфоя. Когда эксперты занялись Стивом, Гарри стряхнул с себя оцепенение и заставил себя подойти и наблюдать. Никому и в голову не пришло выставить его вон, хотя слух о его скандальном уходе успел распространиться по всему Аврорату.

Нейтральными голосами истинных профессионалов эксперты надиктовывали Прытко Пишущим Перьям находки у тела Стивена и в карманах его чудом уцелевшего пальто. Именно по их беспристрастным интонациям Гарри понял, что бывшие коллеги потрясены случившимся не меньше его самого.

— Голова женщины, предположительно последней жертвы маньяка. Хотя делать выводы еще рано, но сходство весьма явное.

— Палочка волшебная. Клен с русалочьими слезами в сердцевине. Одна штука.

— Платок батистовый. Весь в крови.

— Набор отмычек. Судя по бирке, из нашего хранилища улики.

— Кольцо-печатка с литерой «М». Одна штука.

— Погоди-погоди, — вмешался вздрогнувший от этих слов Гарри. — Покажи-ка мне кольцо.

Эксперт на кончике карандаша протянул ему увесистое серебряное кольцо. Кольцо, которое Поттер видел не раз. Малфой очень любил со значением поигрывать им в школе, демонстрируя печать Младшего лорда одного из самых старинных родов Британии. Еще раз осмотрев кольцо, хотя узнал его сразу, Гарри вернул его экспертам, упаковавшим улику в специальный мешочек, защищающий от нежелательных чар.

— Так, поехали дальше. Брызги крови говорят о том, что убитый подорвался на каком-то виде компактной бомбы. Вероятно, она лежала в его внутреннем кармане, поэтому тело настолько повреждено. Могу предположить, что Стивен споткнулся о край ковра, упал и бомба сдетонировала. Мерлин, да что же это! — эксперт сорвался на крик и, проклиная все на свете, потопал в подъезд — курить.

Гарри пошел следом за ним. Они молча курили, пытаясь переварить открывшиеся обстоятельства. А Гарри вдруг подумал, что последнее время он слишком многое делает молча. Вот уж и правда, молчание — золото! Фыркнув от этой мысли, Гарри покосился на пожилого, выдавшего виды эксперта, одну за одной смолотившего крепкие сигареты. Они оба знали, что сегодня вся бригада, да и все, кто знал Стива, напьются в хлам, а завтра начальство будет демонстративно не замечать опухших лиц и стойкого запаха перегара, пряча такие же красные воспаленные глаза...

— Что же это получается? — заговорил, наконец, эксперт. — Палач — наш Стив? Не могу поверить!

— Я тоже.

— Да уж... Тебе-то какво! Пережить столько всего, получить столько дерьма из-за этой истории, чтобы узнать, что твой стажер — маньяк!

— Не могу поверить. Но если отбросить в сторону эмоции... Первое: Стив пришел к нам в отдел в апреле, а в мае произошло первое убийство, которое, естественно, поручили нам. Второе: Стивен сразу возненавидел Малфоя, всячески намекая на его виновность. Третье: когда проводили следственный эксперимент, именно Стив подал стакан воды Малфоя запить зелье. Сам помнишь, что того едва откачали. Потом странная смерть домовика Малфоя — единственного свидетеля, который мог бы подтвердить его алиби, тоже произошла в тот момент, пока мы все находились в Малфой-мэнор. Очень много

подозрительных совпадений, которые можно истолковать двояко.

— Но зачем ему понадобилась взрывчатка?

— Понятия не имею. Все говорит о том, что он принес эти вещи в квартиру Малфоя, чтобы еще больше утопить его, чтобы тот не выкарабкался ни в коем случае. Может, взрывчатка нужна была для каких-то других дел? Например, взорвать место, где находятся остальные головы убитых девушек. Кто теперь сможет сказать наверняка? И еще одно, я думаю, что если покопаться, то на время всех убийств у Питтерсона не будет алиби, но это уже не мое дело.

— Почему же, мистер Поттер? — раздался голос Министра. — Это еще не решено. Я снова поручаю дело вам.

— Я уволился, смею вам напомнить, — ответил Гарри, глядя на него неподвижным змеиным взглядом.

— Ну-ну! Чего не скажешь сгоряча! Все ссорятся с начальством, но пока никто не умер... — тут Министр осекся, сообразив о двусмысленности произнесенных слов на пороге квартиры, где лежал один из его подчиненных.

— Да идите вы все! — прошипел Поттер и, резко развернувшись, аппарировал.

* * *

— Так и знал, что найду тебя здесь, — Драко тихо смотрел на Гарри, ссутулившегося около тела своего стажера. — Переживаешь?

— Тебя отпустили? — оставив без ответа вопрос Драко, осведомился Гарри.

— Сразу же. С поклонами и заверениями в вечной дружбе, — скривился Драко. — Ваш Министр был такой душка!

— Шлюшка он, а не душка! Политическая шлюха, дающая всем, кто заплатит, кто имеет связи. Шлюха, подставляющая и чужих, и своих ради выгоды! — голос Гарри сорвался на высокую ноту.

Драко моментально оказался рядом, обняв его, притянув голову к своему животу, словно желая защитить, оградить, утешить. Гарри со стоном прижался к нему, вдыхая аромат тела Малфоя, ощущая его тепло. Он не чувствовал своих слез — они сразу впитывались в рубашку Драко. Было так невыносимо тяжело, но рядом с Малфоем каждый вдох уже не давался с таким трудом. Рядом с ним ему становилось легче.

— Кажется, я сегодня напьюсь, — глухо проговорил Гарри куда-то в живот Малфоя.

— Обязательно напьешься. Я буду пить вместе с тобой. Напьемся в умат, Поттер?

— Еще бы!

— Пошли домой?

— Да, идем.

Они встали, направляясь к выходу из морга, но вдруг Гарри остановился и вернулся к столу, где под чарами охлаждения лежало тело Стива. Он снял его руки с груди и положил их вдоль туловища.

— Ты не заслужил спокойствия, Стив, — прошептал Гарри. — Ты был чудовищем — большим, чем сам Волдеморт. Бог тебе судья. Прощай.

Вскоре весь Атриум наблюдал, как Поттер и Малфой, чуть покачиваясь, вошли в один камин, и Малфой, притянув Поттера за талию к себе, громко выкрикнул:

— Малфой-мэнор!

И зеленое пламя взметнулось, лизнув каминную решетку. Кто-то говорил, что Поттер смеялся, глядя в глаза Малфоя.

Сорри, не отбечено...

* * *

Гарри и Глава Отдела Тайн стояли на пороге квартиры Стивена Питтерсона и ждали, когда последние из экспертов выйдут. Не хотелось путаться у них под ногами. Еще больше хотелось оттянуть момент, когда нужно будет входить в квартиру того, кто оказался жестоким, сумасшедшим и хладнокровным убийцей. Того, кого они считали своим. Нет, не другом. Просто своим — человеком, который работает рядом, с которым перекидываешься шуточками, кто, случалось, прикрывал твою спину. Как же теперь смотреть на других коллег? Как долго еще будет мерещиться призрак Стива?

Начальник Отдела Тайн чуть ли не приплясывал, отпуская сальные шуточки. И впервые Гарри не казалось это диким, даже если бы он не знал о контузии коллеги. Ему самому хотелось шутить и весело смеяться, ржать захлеб до колик, чтобы не думать, чтобы хоть на время забыть. Но пока у него хватало сил только на то, чтобы просто находиться тут, несмотря на то, что он уволился. Просто хотелось все расставить, прежде всего, для себя. Вдруг некая мысль пришла ему в голову и Гарри, не задумываясь, озвучил ее. В прежние времена такой вопрос стоил бы ему строгого взыскания. Теперь его могли просто послать.

— Столько лет мы уже знакомы, но я до сих пор не знаю, как тебя зовут? Если это конечно не военная тайна, — ему хватило ума дать собеседнику возможность увильнуть от ответа.

Начальник Невыразимцев посмотрел на Гарри долгим взглядом, сразу перестав нагнетать натужное веселье. Медленно провел рукой по лицу, по волосам. Гарри вдруг увидел, как неприметное, «никакое», лицо вдруг приобрело более четкие черты: заострился переломанный много раз нос, поседели волосы, стали карими и очень уставшими глаза. Человек толпы сбросил свою маску неприметности.

— Когда-то меня звали Томас Акс. Друзья звали просто — Томакс или Том-топор. Теперь меня давно так не зовет никто. Просто некому... — очень грустно и даже безнадежно улыбнулся он.

— Хочу сказать, что тебе очень идет твое имя, — проговорил потрясенный Гарри.

Ему не верилось, что его допустили до настолько личного. У Невыразимцев нет имени, нет лица. Теперь он видел настоящую цену того, что делает с людьми тайна. И словно в кривом зеркале, рассмотрел свое собственное лицо. Рассмотрел и сравнил с тем, каким запомнил его много лет назад, в дьявольском Зеркале Еиналеж, и ужаснулся. Человека, самым заветным желанием детства которого было иметь семью, и который своими руками разрушил бережно воздвигаемый очаг, можно было только пожалеть. Внезапно оглянувшись назад, он вновь увидел руины домика в Годриковой лощине, только вот эти руины он оставил за собой сам.

Не успев прочувствовать свое одиночество, еще не ухватив за хвост какую-то ускользающую мысль, Гарри вздрогнул, когда, громко матерясь и сыпя профессиональным сленгом, вышли эксперты — все как один мрачные и суровые.

— Нашли что-нибудь? — спросил их Томас-топор.

— Нет, сэр, — почему-то обращаясь к Гарри, ответил старший эксперт — тот самый, с которым они курили на пороге Малфоевской квартиры. — Все чисто. Никаких отрубленных

голов, никаких следов.

— Спасибо, Джонсон. Вы все свободны. А дежурного оперативника прошу ненадолго задержаться, — ничуть не удивляясь, ответил Томас.

— Всего доброго, сэр, — козырнул Джонсон и эксперты аппарировали.

— Так странно, — протянул Гарри, все еще пытаюсь сосредоточиться на ускользнувшей мысли, но чувствовал только досаду на себя. Теперь его долго будет мучить беспокойство, пока он не вспомнит что-то, показавшееся важным.

— Так всегда бывает, когда я снимаю маску, — ответил Томас, истолковав его реплику по-своему. — Заклятие преломляет восприятие, и люди некоторое время вообще не видят меня. А потом рассказывают соседям или колдо-психологам, что общались со столбами, — улыбнулся он.

Втроем они вошли в небольшую квартирку Стива — всего-то одна комната, да крохотные кухня и ванная. Несмотря на погром, оставленный бригадой, было понятно, что обитал тут человек аккуратный и последовательный во всем: многочисленные полочки с книгами висели ровнехонько, сами книги, из тех, что не оказались выпотрошенными на полу, были составлены по темам. На столе лежал подробный каталог книг и маггловских фильмов. Заглянув в него, Гарри увидел тщательное описание каждого предмета, место, где его нужно искать, и даже список имен тех, кому они одалживались, с указанием даты возврата. Хмыкнув, Гарри положил пухлую тетрадь обратно на стол. Оглянулся. И вдруг ему показалось, что его кожи коснулась прохладная струя воздуха.

Пытаясь понять, откуда веет легкий сквознячок, Гарри двинулся вдоль стен. Его переполнял охотничий азарт, появляющийся всегда, когда он должен был вот-вот нащупать что-то важное. Этаким холодок под ложечкой. Что же упустили многоопытные эксперты?

Осмотр комнаты ничего не дал. Кухня — тоже не то. Что же тогда так его насторожило? Гарри прошел в ванную, и тут его затылок словно пронзило ледяным шилом — вот! Нашел! На миг задохнувшись от предчувствий, Гарри взгляделся в узор на кафельной плитке. От стены, возле которой стояла душевая кабинка, веяло чем-то... нет, не магией — иначе ее засекали бы эксперты. Но что-то там было. Не зная, как объяснить предчувствие, Гарри вытащил свою палочку и прошептал самое простейшее заклинание-отмычку.

— Аллохомора! — легкий пасс рукой и вдруг что-то начало происходить.

За стеной зашуршало и сдвинулось нечто тяжелое. Плитка и стена под ней начали попросту таять, открывая вход в соседнюю квартиру.

— Сюда! — крикнул Гарри и первым вошел в ванную комнату смежной квартиры.

То, что он увидел в точном зеркальном отражении Стивовой квартиры, заставило его вздрогнуть и замереть. Сзади на него налетел Томас, а на него, в свою очередь — дежурный оперативник.

— Гребанная мама Мерлина! — выругался Томас. — Не может быть!

Всю стену, там, где со стороны квартиры Стива стояла кровать, занимали огромные постеры, фотографии, вырезки из газет и даже пара иллюстраций, с которых, словно отражения в разбитом зеркале, хмурились, смеялись, надменно отворачиваясь или приветственно кивая, сотни Гарри Поттеров.

— Вот ведь сука, — взорвался Гарри, — тут есть фото из моего личного архива! Твою мать, что же это такое!

— Это еще не все, — тихо проговорил Томас, привлекая внимание Гарри к стене напротив.

Поттер обернулся и замер. Там, на подобии алтаря, усыпанного увядшими цветами, стояла его фотография, где он приобнимал Стива за плечи, дружелюбно улыбаясь в объектив колдокамеры. Лицо Стива светилось гордостью и счастьем. Вокруг импровизированного жертвенника, стояли угасшие свечи, выгоревшие до конца. А над алтарем висели глубокие прочные полочки, похожие на ящики без стенки. На этих полочках, подсвеченные магическими огоньками, стояли большие прозрачные колбы с головами несчастных невест. Ровно пять. Одна из верхних полочек, словно венчающих эту своеобразную пирамиду, была пуста.

Заставив себя оторвать взгляд от спокойных и смертельно-умиротворенных девушек, Гарри посмотрел чуть ниже и вздрогнул. К стене тонким стилетом была приколата фотография Драко с небрежной надписью: «Сдохни, сука!»

Почувствовав себя плохо, Гарри едва добежал до ванной, где его долго тошнило остатками малфоевской традиционной овсянки, будь она неладна! Ничего так больше он сейчас не ненавидел, как эту проклятую овсянку!

* * *

— Как ты, Гарри? — участливо, но с доброй толикой удивления спросила Джинни.

— Нормально. Все нормально, — ответил он, отхлебнув сразу половину стакана с вином. Крепче у Джинни ничего не было.

Он сам не знал, почему в момент душевного кризиса, пришел именно сюда. Теперь он понимал, что это было не самой лучшей идеей — пытаться прогнать призраки настоящего, прячась в тени прошлого.

Сидя в мягком кресле, знакомом до каждой матерчатой пуговички, до каждого пятнышка на обивке, Гарри пытался забыть то, что увидел в потайной комнате Стива, заливая горечь мягким розовым вином. Он пытался сосредоточиться на той радости, которой осветилось милое веснушчатое лицо бывшей жены, но не мог не видеть ее робости и непонимания.

Он рассматривал комнату, избегая встречаться взглядом с Джинни. Добротный уют и сердечность не покинули этот дом с его уходом. Он ушел, но ничего не изменилось и это оставляло в душе Гарри неприятный осадок. Будто бы его и не было в их жизнях. О том, во что превратилась его собственная жизнь, он предпочитал не вспоминать. Одиночество, работа, пустая квартирка на окраине Лондона, куда Мерлин мощерогов не гонял, — вот и все, что было у него.

От мысли о работе, он поморщился. Краем глаза заметил, как заерзала Джинни, и огорчился — он не хотел, чтобы она приняла все на свой счет и потому объяснил:

— У меня на работе неприятности.

— Я знаю, мы выписывали Пророк.

— Почему в прошедшем времени? — удивился он.

— С тех пор, как там стали писать эту ерунду, я отменила подписку.

— Значит, ты не веришь этому?

— Конечно, нет, — удивленно посмотрела на него Джинни. — Кто знает тебя, тот никогда в это не поверит.

— Знаешь, мне очень приятно это слышать.

— Ну что ты, Гарри, — Джинни так ласково произнесла его имя, что у него потеплело на душе. — Мы с детьми полностью на твоей стороне.

— Как они там?

— Лили учится, Слизнорт ее очень хвалит. Говорит, что лучшей ученицы у него не было со времен Мародеров. Джеймс пока играет в нашей лиге, но подумывает перебраться в Америку — его давно уже переманивают в сборную Салемской Академии. Хоть высшее образование получит, играя, — засмеялась Джинни, отчего на ее правой щеке образовалась маленькая ямочка. Гарри вспомнил, как много лет назад, он любил целовать эту ямочку. — Ал все еще у Чарли. Я иногда думаю, а только ли драконы тому причиной? Брат говорил, что у него в команде есть одна девушка, которая укрощает самых злобных драконов, может, она и Ала приручила?

— Очень на это надеюсь, — улыбнулся Гарри. — Что слышно от Рона и Гермионы? Когда они возвращаются?

— Если Гермиона успеет написать диссертацию, то в следующем году, а если нет, то задержатся еще на полгода. Сам знаешь, как много сейчас внимания уделяется Китаю и России.

— Наша умница Герми, — ностальгически протянул Гарри и вдруг заметил эту жалкую гримасу на лице Джинни.

Она снова нашла, в чем обвинить себя! На этот раз это, наверное, то, что она так и осталась домохозяйкой, отклонив соблазнительные перспективы в карьере ловца. Боже! Ну, сколько можно! Неужели она не понимает, что этими своими комплексами и вынудила его уйти из семьи! Он ощущал себя еще более виноватым, видя ее такой! Чувствуя, как начинает закипать, Гарри резко поставил пустой стакан на столик и встал.

— Мне пора, — сухо сказал он. — Много дел, сама понимаешь. Пока.

И не глядя на нее, пошел к выходу.

Джинни проводила его долгим уставшим взглядом и расплакалась. Спустя некоторое время, она встала, чтобы убрать грязный стакан в мойку. Идя мимо камина, она чуть пошатнулась и схватилась рукой за каминную полку. Поправив крохотную миниатюру, чуть сдвинутую ее неловким жестом, она посмотрела на рисунок, где они были запечатлены с Гарри.

В тот день, когда уличный художник предложил молодой паре нарисовать их портрет, им было по двадцать лет. Гарри стоял за спиной беременной Джинни и его обе руки лежали на ее плечах, оберегая от возможных напастей. Руки самой Джинни лежали на уже округлившемся животике, в неосознанной попытке защитить малыша.

Она посмотрела на сияющие счастьем и тайной глаза той Джинни, на гордое и любимое лицо мужа, и снова заплакала. Словно отгораживаясь от видений давно ускользнувшего счастья, Джинни перевернула картинку лицом вниз и побрела на кухню, в которой ей больше не для кого было готовить...

Неотбечено, так что сорри за ошибки.

— Ты сегодня какой-то странный, Поттер, — сказал Малфой, внимательно оглядывая Гарри.

— Все нормально, — буркнул тот, ковыряясь в тарелке с бефстроганов.

— Это пятое "нормально" за полтора часа, которое я услышал, — Драко отпил из хрустального кубка чуть разбавленное вино и положив салфетку с колен на стол, пересел к Поттеру на соседний стул. — Давай, рассказывай.

— Нечего рассказывать.

— Это ты можешь кому угодно заливать, но не мне. Я же вижу, что тебя что-то гложет.

— Сегодня приезжали мать и отец за телом Стива. Они совсем старенькие. Он был их единственным ребенком. Миссис Питтерсон так плакала. А его отец, когда не видела жена, все хватался за сердце.

— Никто не хочет верить в то, что их ребенок может такое сотворить, — сказал, помолчав, Драко. — Мы всегда остаемся для них маленькими и славными и, не смотря ни на какие наши промахи, они продолжают любить нас.

— В каком кошмарном мире мы живем!

— Да в нормальном мире, Поттер! Каждый сам для себя выбирает свой путь, и никто никого не толкает на преступления и мерзости!

— И это ты говоришь? Вспомни Волдеморта и его задание на шестом курсе.

— И все же я не смог убить. Я струсил и слава богам! Наверное, я не смог бы жить с этим.

— Извини, что напомнил.

— Все нормально. Черт, какое же это раздражающее слово, а по-другому и не скажешь!

Поттер засмеялся и уже не в первый раз с благодарностью подумал о Малфое: чтобы он делал без него!

— А зачем ты ходил в Аврорат? Ты же уволился.

— Меня попросили прийти. Никто не хотел смотреть в глаза родителям Стива.

— Можно подумать, ты хотел.

— Я был должен. Это я не уследил за их ребенком. Потом взял расчет в бухгалтерии и ушел. Пусть думают, что я на курорт уехал. Надоело мне все!

— Не заводись. На курорт, так на курорт!

Они закурили толстые ароматные сигары и углубились в вечерние газеты. В столовой было удивительно уютно и спокойно. Едва слышно шуршали мимо домовики, убирая со стола. В гостиной по соседству большие напольные часы пробили восемь. Клубы сизого дыма расплывались по комнате, складываясь в замысловатые фигуры и образы. Тихо потрескивали яблоневые дрова в камине. А на стеклах мороз рисовал причудливые узоры, напоминая обитателям большого дома, как здорово им сейчас в тепле и спокойствии. Ночь готовилась окончательно прибрать этот мир к рукам.

— Послезавтра двадцать третье, — вдруг сказал Гарри, нарушив тишину. Его слова тяжело упали в комнате, где еще недавно было так спокойно и хорошо. Гарри и сам почувствовал, как после его слов в спину словно повеяло холодом. Он видел, как замер за газетой Малфой. — Я что-то не то сказал?

— Больше убийств не будет.

— Да.

И все же на душе у Гарри было беспокойно. Словно он что-то упустил из виду. Что-то очень важное.

Глава 13 (для тех, кто не против НС и слэша)

Лежа в кровати, Гарри напряженно думал, стараясь развеять то неприятное чувство, что пришло к нему после ужина, но ничего не получалось. Отголосок какой-то мысли, призрак некоего чувства не давал ему покоя, заставляя вертеться с боку на бок и вспоминать непонятно что снова и снова. Наконец он решил, что у него началась паранойя. Вдруг в коридоре раздались легкие шаги, и кто-то поскребся в его дверь.

— Кто там? — недовольно спросил Гарри.

— Поттер, ты спишь? — Драко открыл дверь и поднял палочку с Люмосом повыше.

— Уже нет. Ты чего бродишь по ночам, Малфой?

— Не спится. Все думал о твоих словах. Можно мне зайти?

— Ну, заходи, раз уже пришел.

Драко вошел в комнату и Гарри едва сдержался, чтобы не расхохотаться в голос: Малфой стоял в длинной до пят ночной рубашке с широкими рукавами, перехваченными у запястья мягкими резиночками. С распущенными волосами и в этой ночнушке-платье он напоминал тонкую юную девушку.

— Ты чего такой веселый? — подозрительно прищурился Малфой.

Холодные отсветы Люмоса делали черты его лица более острыми, но и более моложавыми. Драко казался младше лет на пятнадцать-двадцать.

— Нет, ничего, — Гарри едва подавил широкую ухмылку. — Вид у тебя немного странный.

— Что странного-то? — Драко оглядел себя и недоуменно пожал плечами.

— Ты про пижамы когда-нибудь слышал?

— Мне в рубашке удобнее. А что, я тебя смущаю? Мне сходить переодеться? — хмыкнул Малфой.

— Да сиди, раз уж пришел. А чего ты пришел-то?

— Просто поболтать. Может, усну потом быстрее.

— Тоже мне, нашел снотворное! Кто бы меня усыпил.

— Тебе спеть колыбельную? — фыркнул Малфой и уселся на край постели Поттера.

— Обойдусь.

Гарри внезапно поймал себя на мысли, что ему становится интересно, а есть ли у Малфоя под рубашкой какое-нибудь белье? Одернув себя, он выжидающе уставился на Малфоя. Тот сидел, задумчиво покачивая ногой, и Гарри подумал вдруг, насколько нежна его кожа? Каково это гладить и любить такого, как Малфой? Тут Поттер окончательно смутился, почувствовав, как запылали его щеки.

Они долго сидели молча и Гарри все больше ерзал и смущался от своих нелепых и ненужных мыслей. Но никак не мог перестать думать о теле Малфоя. Мысль об объятиях другого мужчины еще месяц назад вызвала бы у него тошноту и омерзение, но теперь... Может за время, проведенное с Малфоем, он что-то подхватил от него? «Тьфу ты, — выругался про себя Гарри, — какая только чушь в голову не лезет!»

— Ты чего покраснел, Поттер? — удивленно спросил Малфой.

— Тебе показалось, — буркнул Гарри. — Ты вроде бы поговорить хотел?

— Не знаю... Просто рядом с тобой мне лучше думается. Да и спокойнее как-то. Ты не против?

— Мне все равно, — грубовато ответил Поттер. — Если хочешь думать, ради Мерлина, я не мешаю. Только свет погаси и не буди меня, если я засну.

Малфой послушно погасил Люмос и комната погрузилась в темноту. Сначала Гарри вздохнул спокойно — теперь Малфой не увидит его пылающих от смущения и негодования на самого себя щек. Но спустя мгновение, он вдруг почувствовал, как интерес и тяга к нему усилились. Он сидел совсем рядом, можно было дотянуться до него, но, не видя его лица, его глаз, можно было только ощущать его присутствие. Будто бы кто-то разлил Приворотное зелье и его пары отравляли все больше с каждой секундой.

Гарри сердито надавал себе мысленных пощечин и нарочито порывисто укутался в одеяло и отвернулся от Малфоя. Постепенно мысли, сжигавшие его изнутри, отступили и усталость начала брать свое. Проваливаясь в сон, Гарри почувствовал, как Малфой легко перебрался на другую сторону огромной кровати и забрался под одеяло. Гарри напрягся, но услышав несколько сонных вздохов Драко, успокоился. Наверное, Малфой замерз и решил согреться. Через пять минут оба крепко спали.

Посреди ночи Гарри проснулся будто бы от толчка. К его боку прижимался кто-то горячий. Жар от лежащего рядом тела, обволакивал его. Поттер повернул голову и увидел лицо Малфоя в каких-то дюймах от себя. Малфой спал. Его лицо было спокойно и безмятежно, а ладонки, подложенные под щеку, придавали невинный и детский вид. Длинная челка падала на лоб, закрывая один глаз. Гарри вдруг подумал, что прядь волос, наверное, очень щекочется и протянул руку, чтобы поправить ее. Волосы Драко были мягкими и нежными. Их хотелось гладить снова и снова. Но Гарри побоялся, что это будет совсем уж странно и отдернул руку. И вдруг понял, что Малфой проснулся. Он лежал и смотрел прямо в глаза Гарри.

— Прости, я не хотел тебя разбудить, — почему-то шепотом сказал Гарри.

— Это ты прости, что вломился к тебе среди ночи, да еще и уснул в твоей постели. Я пойду.

— Подожди. Ты мне не мешаешь. Если хочешь, оставайся.

Этот разговор, эта ситуация казались Гарри частью сна, который он только что видел. Может поэтому он был так открыт и уверен. Ведь не может же быть в реальности, что Малфой окажется в его постели и будет так странно смотреть на него.

— Гарри... — Малфой медленно произнес его имя каким-то глухим голосом. — Такое красивое имя. Его приятно катать по языку...

— Ч-что? — от звука этого голоса, от произнесенных слов по телу Гарри разбежались мурашки.

— Могу я попросить тебя об одном одолжении?

— Н-наверное...

— Ты только не пугайся. Если захочешь, я сразу же остановлюсь.

Драко протянул руку и погладил его по лицу.

— Колешься, — пробормотал он, продолжая водить кончиками пальцев, очерчивая подбородок, скулы, лоб. Прохладное прикосновение к шраму, едва заметное, но очень нежное. — Он почти не чувствуется. Совсем затянулся.

Драко что-то продолжал бормотать, прикасаясь к лицу Гарри. А тот напрягся весь, не зная, чего хочет больше — заставить его перестать или чтобы он не останавливался. Это раздвоение, казалось, тоже частью сна и Гарри не смог противиться. Он просто закрыл глаза и прислушивался к себе. Он думал, что такие интимные прикосновения от мужчины будут

ему противны, но может, все дело было в том, что этим мужчиной был Малфой? Это было странно, нереально, но удивительно приятно!

— Гарри, посмотри на меня, — позвал его Драко.

Поттер распахнул глаза и вздрогнул. В расширившихся зрачках Малфоя он читал желание. Страсть и нежность горели в серых, обычно таких спокойных, глазах Малфоя. Они звали, разжигали интерес и отсвет ответного чувства. Никто никогда не смотрел так на него прежде.

— Сейчас я тебя поцелую. Если тебе будет противно или неприятно, я сразу остановлюсь, и мы навсегда забудем об этом инциденте, — подрагивающим от сдерживаемых эмоций голосом проинформировал его Малфой.

Его лицо приближалось. Гарри не мог оторвать взгляда от покрасневших и чуть припухших губ Малфоя. Было страшно и интересно. Просто опыт, просто маленький эксперимент... Додумать ему не удалось.

Губы Драко прикоснулись к его губам, и мир начал проваливаться в пропасть. Нежные прикосновения становились все требовательнее и жестче. Гарри терялся под шквалом налетевших эмоций. Он старался не отставать, отвечая на поцелуй, но Малфой был везде: его руки гладили лицо Гарри, его тело прижималось к его телу, обжигая и ввергая в круговорот страсти и дикой первобытной похоти. Гарри просто сдался, разрешая Малфоем делать то, что тот считал нужным.

Они катались по кровати, пытаясь, время от времени перехватить инициативу друг у друга. Они ворчали и кусались, как дикие звери, дрожа от желания. Гарри был новичком в той стране сладострастия, где Малфой уже давно и прочно воцарился. Ему только и оставалось, что сдаваться на милость победителя.

Вот Малфой оказался сверху и Гарри потянул его ночную сорочку, чтобы снять ее. Наконец-то он получил доступ к телу Малфоя! Он мял и гладил нежную податливую плоть, вдыхал пьянящий аромат и стонал, чувствуя, как зубы Малфоя впиваются в его плечо. Рывок! И пижама Гарри расползлась по швам, разрываемая руками Драко. Гарри тихо рассмеялся, но уже через секунду пораженно замер, ощущая губы Драко на своем соске. Он откинулся на подушки и млея под умелыми поцелуями и покусываниями Малфоя. Гарри крепко, до синяков сжимал бедра оседлавшего его мужчины, постанывая и выгибаясь.

В какой момент он оказался без штанов, он не понял, но в следующую секунду мир сосредоточился там, где вокруг его члена сжималось обжигающе тесное тело Драко. Малфой медленно насаживался на него, закрыв глаза от переполнявших его ощущений. Вот он принял в себя всего Поттера и замер на секунду. И началось медленное, сводящее с ума скольжение вверх и вниз, вверх и снова вниз. Будто бы они раскачивались на качелях, всё ускоряя и ускоряя темп. Вниз — и в низу живота растет сладострастный комок. Вверх — и кажется, что еще чуть-чуть и ты достанешь до радуги, которая взорвется у тебя в руках! Снова и снова, раз за разом, взрыв за взрывом нового, острого восторга! Еще чуть-чуть! Вот совсем капельку! Еще! Еще! Еще! Да!!! О, Боже!..

Тело Гарри содрогнулось в мощном оргазме. Все напряжение, вся страсть и похоть били сейчас упругими струями в тело Малфоя. Дрожь, дикая и неуправляемая, пронзила его и погасила остатки разума.

Глава 14 (только для тех, кому не страшен дарк)

— Привет, Поттер, — раздалось слева.

Повернув голову на звук, Гарри увидел Малфоя, сидящего в кресле и полностью одетого.

— Привет, — улыбнулся Гарри. Он чувствовал смущение и некоторую робость. Все произошедшее с ними ночью казалось сном, но приятное покалывание и теплый пульсирующий комок, возникающий при воспоминании о ночи, говорили об обратном.

Драко встал и подошел к нему. Он смотрел на него сверху вниз и Гарри вдруг понял, что что-то не так. Он пошевелился и понял, что крепко связан.

— Развяжи меня, Драко, — попросил он. Голос прозвучал жалко и Гарри замолчал.

Он вдруг понял, что Малфой как-то странно смотрит на него. Холодно, отстраненно, безо всякого выражения.

— Что с тобой? — ощущение, что он попал в ловушку, начало обволакивать Гарри.

— Неужели ты так ничего и не понял, Потти? — ровный ледяной голос заставил Гарри содрогнуться.

— О чем ты?

— Мерлин мой! Каким надо быть слепцом, чтобы не понять очевидного! Ведь все было перед тобой! Все кусочки мозаики! Но ты умудрился сложить их неправильно!

— Да что с тобой, Малфой! Развяжи меня! — Поттер начинал злиться, все еще не веря себе.

Но тут Малфой начал смеяться. В его смехе проскальзывали истерические, безумные нотки. Гарри вдруг стало страшно. В голове что-то щелкнуло, и пресловутая мозаика рассыпалась, чтобы сложиться по-новому. Старые факты в новом свете. Поттеру стало жутко.

— Так значит это ты — Палач!

— Ну, наконец-то, дошло! Много же тебе понадобилось времени, чтобы добраться до меня! Восемь дурех заплатились своей жизнью из-за твоей тупости!

— Но почему? Зачем тебе это?

— Зачем? — взвизгнув, вскрикнул Малфой. — Зачем мне это?!

Его начало трясти от нового приступа смеха, постепенно перешедшего в некое подобие плача.

— Я был влюблен. Я любил так сильно, что мне было наплевать на мнение окружающих и родни. Я любил так, что мне стал безразличен даже мой сын. Я любил так, что начал убивать...

— Ну и любил бы себе на здоровье! В чем вина девушек и моя?

— И ты еще спрашиваешь?! Если бы ты взял на себя труд и проверил мои слова о любовнике, когда я рассказал тебе о нем, ты бы все понял, но ты вдруг стал преступно слюняв и поверил мне на слово. Ты — Демон Авроры, ты, который не спускал ни малейшего промаха самым крутым авторитетам. Ты просмотрел такую очевидную вещь! Только ты был виноват в том, что я начал убивать!

— Что ты несешь, Малфой!

Драко отвернулся к стене, словно собираясь с мыслями и силами. Когда он обернулся, Гарри похолодел: такая злость, горе и отчаяние были написаны на его лице.

— Я был так счастлив, что даже был готов лишиться наследства, которым мне угрожал

Люциус. Я мечтал быть только с ним. Но мой отец, видя, что я неумолим, шепнул кое-кому из твоих людей, что мой любимый был опасным растлителем мальчигов и ты лично подсунил ему запрещенное зелье в карман. Вы взяли его и посадили в общую камеру, подсказав парочке заключенных то, в чем подозревали моего любимого человека.

Гарри почувствовал, как закололо сердце от ужасного предчувствия. Он вспомнил этот случай.

— А потом эти головорезы вдоволь натешились с ним и перерезали ему горло. Это было двадцать третьего марта. По счастливому совпадению в этот же день скоропостижно и мучительно скончался Люциус.

— Ты убил своего отца?

— И это было только началом. Но моей главной целью стал ты. Ты, со своего безгрешного и незапятнанного пьедестала считал возможным вершить судьбы других людей. Ты ломал и калечил не только души, но и жизни. И думал, что прав. Ты стал не Демоном, ты вообразил себя Немезидой, десницей Бога на земле! Но ты ошибся, Поттер! И ты поплатишься за эту ошибку, отнявшую у меня самого дорогого человека! Я долго подготавливал свою месть и разыграл все по нотам. Ты сам попался в ловушку, так любезно с твоей стороны! Я все время играл на грани фола, манипулируя людьми и событиями, подгоняя одно под другое, но тебе все равно потребовалось больше полугода, чтобы выйти на меня. От отчаяния я даже прирезал ту магглу, пока ты, наконец, не заметил меня! Почему так долго, Потти?

— Фон истекающей магии мешал нам засечь постороннее вмешательство, — Гарри ответил честно, надеясь, что сможет вытянуть побольше информации из Малфоя и усыпить его бдительность.

— Ясно. Я неплохо развлекся, заманивая тебя.

— Каким образом ты подставил Стива?

— О! — Засмеялся Малфой. — Это моя любимая часть! Твой стажер начал путаться у меня под ногами, он сразу начал подозревать меня, может просто приревновал тебя ко мне, может действительно обладал каким-то чутьем, разве теперь у него спросишь? Я снял квартиру через стену от него и устроил там капище. Как тебе моя идея? Как тебе понравился мой алтарь? Правда, я был убедителен? Заманить к себе твоего стажера было делом техники, он следил за мной, словно ищейка. Когда он проник в мою квартиру и схватил колбу с головой, то подорвался на mine-лягушке. Она подпрыгивает и прилипает к телу и если не сказать фразу-пароль, то через пять секунд взрывается. Пароль твой олух не знал, чем и поплатился. А я сразу направился к нему и устроил магический проход между квартирами, нацеленный именно на тебя.

— А разоблачительные интервью в газету этому Берлинеру тоже ты давал? Под Обороткой?

— Вот видишь, Потти, какой ты стал догадливый! — с удовольствием произнес Малфой.

— А как ты успевал убивать, находясь в других странах? Ведь все портключи мы отследили, даже незаконные!

— Ну вот, стоило только тебя похвалить, как ты сразу же меня разочаровываешь, — вздохнул Малфой. — Ты забыл о такой простой вещи, как самолеты.

— Что? Ты пользовался маггловскими видами транспорта? Ты?

— В этом нет ничего удивительного. Я просто делал свое дело.

— Ты псих, Малфой! — вырвалось у Гарри, хотя он не планировал злить этого сумасшедшего.

— Ты даже не представляешь, до какого дна можно опуститься, когда становится незачем жить, — взгляд Малфоя застыл. Он словно смотрел куда-то вглубь себя. — Мне было легко выпить яд и получить аллергию на составляющие Веритасерума, мне было просто убить своего домовика, который мог выдать меня раньше времени. Мне было все равно, когда подорвался твой стажер, я с удовольствием обезглавливал тех счастливых дурочек, ведь у меня самого больше никогда не будет любви и счастья. Я провел свою игру жестоко, но безупречно.

Последним пунктом было заставить тебя открыться мне настолько, чтобы разрешить прикоснуться к себе. Ты оказался очень горячим, Поттер, жаль я не знал этого в школе. Наши отношения могли сложиться и по-другому.

Мне больше незачем жить. Моя месть свершилась. После того, как я разберусь с тобой, я покончу с собой и буду молить всех богов мира, чтобы они разрешили мне встретить своего любимого за крайней чертой... Но в этом были и свои плюсы. Благодаря тебе я вернул себе расположение сына. Благодаря тебе я снова начал смеяться, хоть мое сердце и рвалось от боли при каждом взгляде на тебя. Я не позволял себе ни на секунду забыть о том, кто ты и чего лишил меня, иначе я бы дрогнул и не смог завершить начатое. Чего мне это стоило, знаю только я. Как часто я стоял под дверью твоей спальни и боролся с собой. Я уговаривал себя, что Авада — слишком просто для тебя. Ты не поймешь ничего, просто и быстро умерев. Да и она уже дважды не срабатывала с тобой. Я убью тебя так же, как и моих девочек. Быстро, просто, эффективно.

— А ты не думаешь, что меня найдут? Исчезновение такого человека, как я не пройдет незамеченным.

— Об этом ты сам уже позаботился, оповестив всех желающих тебя выслушать, что берешь отпуск. Мое письмо, информирующее о том, что мы сбегает от светского мира, чтобы провести остаток жизни вдвоем на райском острове, послужит прекрасным объяснением к тем сплетням, что уже и так бродят в обществе, благодаря стараниям мистера Берлинера. Как видишь, я обо всем позаботился, враг мой. Наши тела навечно останутся запечатанными в потайных подземельях Малфой-мэнор. А теперь приступим...

* * *

Вытирая пыль с полок, Джинни Поттер подошла к камину и начала протирать милые и забавные вещицы и сувениры, привезенные из разных поездок по миру. Она брала каждую из них в руки и рассматривала, улыбаясь своим мыслям. Ее лицо озарялось светом и становилось совсем молодым, как тогда, когда она была замужем и незаслуженно, невероятно счастлива. Вот она подняла перевернутую миниатюру и еще раз с любовью посмотрела на нее. Сначала она даже не поняла, что было не так, но спустя мгновение ее сердце зашлось от боли.

С миниатюры ей улыбалась неподвижная Джинни, а Гарри, грустно посмотрев на нее, развернулся и ушел, совсем как тогда, несколько лет назад, оставив ее совсем одну. Предчувствие беды, не покидавшее Джинни вот уже несколько недель, окончательно затопило ее разум.

Гарри! Как же так? Гарри!!!

Сердце не выдержало свалившегося на нее горя и Джинни, сильно побледнев, начала падать. Резкая боль разлилась в груди, распространяясь по всему телу, отключая разум и гася

сознание. Через минуту Джинни Поттер умерла.

Образ юной беременной женщины на крохотной миниатюре вздрогнул и обернулся вслед уже ушедшему мужчине. Оглядевшись по сторонам, женщина заплакала горько и безысходно, спрятав личико в ладонях.

Страшная любовь Драко Малфоя забрала свою тринадцатую жертву...

Глава 14 (для тех, кто любит только ХЭ)

«Дорогие мама и Скорпи!

Простите меня, что не нашел смелости рассказать все вам лично. Честно говоря, мне было страшно. Я боялся, что вы (особенно ты, Скорпи) слишком бурно отреагируете. Мы с Гарри объяснились и решили, что лучшим выходом для нас будет, если мы уедем далеко и надолго туда, где нас никто не знает, подальше от сплетен и пересудов общества. Если я сочту необходимым, я буду писать вам изредка, но не обещаю. Я просто хочу сказать вам, что настолько безмерно счастлив, что не хочу делить это счастье ни с кем, даже с самыми родными людьми. Гарри полностью поддерживает меня. Он просит вас объяснить все его родным за него. Если не сложно, мама, сделай это.

Я прощаюсь с вами, меня ждет моя любовь, солнце, море, песок и много, много лет беспечного и бесконечного счастья!

Я вас люблю!

Ваш Драко»

Нарцисса аккуратно сложила записку от сына и задумчиво покачала головой. Что ж, ее сын как никто заслужил это счастье. Пусть все у него будет хорошо! Леди Малфой поплотнее укуталась в шаль и попросила подать ей горячего травяного отвара — к ночи у нее всегда невыносимо ломило суставы.